

18+

Людмила Синельникова

Пленники кристалла

Людмила Синельникова

Пленники кристалла

«Издательские решения»

Синельникова Л.

Пленники кристалла / Л. Синельникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505689-4

Смертельная болезнь косит население, впереди — приближение опасной планеты, которая навсегда изменит жизнь Заолуна. Но выход есть — старинный артефакт. Что он — наследство богов или оружие демонов? Защитит ли он вампиров и магов Заолуна или приблизит конец света?

ISBN 978-5-00-505689-4

© Синельникова Л.
© Издательские решения

Содержание

Пленники кристалла	6
Часть I. Исход	7
Часть II	28
Глава 1. В ожидании Кроны	28
Глава 2. В дебрях информации	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пленники кристалла

Людмила Синельникова

© Людмила Синельникова, 2020

ISBN 978-5-0050-5689-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пленники кристалла

Часть I. Исход

Тихо. Настолько тихо, что слышно, как стекают капли пота по вискам, как лопаются кожа иссушенных губ.

Темно.

Застывшее в черном пространстве цветное пятно алой платформы – все, что осталось от мира, который скоро исчезнет, поглощенный тьмой.

Тьма крадется, манит, распаивает смертельные объятия, но последний обитатель этого мира отчаянно сопротивляется. Обожженными руками он обнимает колени, чтобы не дать ногам соскользнуть с маленького островка бугристой поверхности, похожей на застывшие стеклянные шарики.

Тишина сводит его с ума, стирает грань между реальностью и снами, воспоминаниями и надеждами, которым не суждено сбыться.

И все же он медлит, отодвигая неминуемое, хотя платформа под телом уменьшается с каждым движением тьмы, подкрадывающейся к нему. Медлит... не в силах сделать последний шаг, чтобы самостоятельно упасть в объятия спасительной смерти.

В кармане ощущается тяжесть телефона, закругленный край давит на ногу. Мужчина неуклюже поворачивается, чтобы вытащить мобильник. Повязка, обхватывающая левое плечо, задевает о бок и падает на сгиб локтя, открывая страшную рану, – и воздух наполняется тошнотворным запахом гнили.

Пальцы с трудом сжимаются на твердом пластике, выуживают телефон и переключают его на обгоревшую ладонь правой руки.

Иконка в системном трее горит зеленым, радостно сообщая, что батареи хватит на несколько недель – недель, которых у него нет.

Мужчина нажимает на кнопки, но попадает не сразу, поэтому некоторое время на экране светится заставка – вид на планету Заолун со спутника. Зеленое пространство с голубыми венами рек пересекают цифры, обозначая день, месяц и год.

19 ноября 2016 года.

Борьба с кнопками закончилась – меню вызвано и диктофон включен, но мужчина молчит, не зная, как начать. О чем здесь можно рассказать? Он жив – но тьма скоро исправит это недоразумение, а запись исчезнет вместе с ним и тем миром, пленником которого он стал. И все же мужчина надеется, что у него есть право на исповедь – исповедь, которая отвлечет его от надвигающегося вместе с тьмой безумия.

– Бенджамин.

Он вздрагивает от звука голоса, слишком громкого для этой тишины.

– Меня зовут Бенджамин Лоуренс, – добавляет он чуть позже и наслаждается тем, как отступает тишина, словно склоняется перед его правом выговориться перед смертью. Но фраза кажется незаконченной, и он продолжает, – урожденный де Кониинг. Вампир.

Слово произнесено, но в его душу закрадываются сомнения: уже более четырех веков с момента создания Конфедерации, объединившей магов, вампиров и группу посвященных людей, тайна Иных охраняется законом. Он помнит это время, положившее конец пятидесятилетней войне Королевств, и отгоняет от себя воспоминания: время на исходе – ему надо спешить.

– Анисит.

Он злится, недовольный таким вступлением. Почему-то сейчас следование правилам кажется очень важным, словно это ритуал, который свяжет его с миром, оставленным месяцем назад, – свяжет и позволит вернуться.

– Я потомок великого сангуиса Анисиоса, – исправляется он, и перед глазами встает старший сын бога Кхорта. Сангуис наделил своих детей силой, превышающую мощь других носферату; передал любовь к знаниям, которая вела де Конингов по ниве наук; наградил безумием, что овладевало вампирами-мужчинами. Шесть столетий Бен успешно бежал от него, а оно догнало его здесь, в разрушающемся мире древнего артефакта.

Но не только родовое проклятие стало бичом для потомков древнего вампира, но и жажда, которую могла утолить лишь кровь других носферату. Из-за нее аниситы всегда жили обособленно, но впервые эту непохожесть на других Бен почувствовал в 1514 году.

Первый год войны. Бессмысленной и кровавой. Тогда он поссорился с бабкой – Главой клана, напал на нее, обвиняя в трусости и в нежелании оказать поддержку соседнему королевству, а после бежал в самую гущу сражений. Глупец, решивший, будто что-то может изменить. Идиот, наивно верящий, что справедливость восторжествует.

Годы войны оставались позади, но для своих сотоварищей он так и остался чужаком. Аниситов не любили: их боялись и презирали. Быть может поэтому никто ни разу не предложил ему руку, где по вздувшейся вене бежала кровь.

Другие ждали затишья, а он жил сражениями. Бинты, пропитанные алым, столы, в выемках которых скапливалась кровь раненых носферату, – все это стало для него источником пищи. И чем сильнее повреждения получали сородичи, тем обильнее становился его пир. Он был вампиром, для которого кровь – не просто еда, но и источник силы. Кто-то из носферату управлял тенями, кто-то энергией, смертью, трансформацией. А он управлял Круорой – руной, позволяющей воздействовать на кровь. Он был таким же, как и Эрна – Глава его клана. Он был круорцем.

Пятьдесят лет войны... Все это время он мечтал о возвращении домой. Он хотел попросить прощение у бабки и вновь оказаться среди таких же, как и он, аниситов.

– Эрна!

Имя вылетает, записанное диктофоном. Рука, сжимающая телефон, в бессилии падает, голова опускается на колени, не в силах выдержать всплеска воспоминаний о том периоде, который изменил все.

Это была осень 1564 года. Время окончания войны, и время начала его собственной битвы.

Вокруг падал снег: серые хлопья с черных небес в начале осени – следы отгоревших домов с соседней улицы. Смрад стоял над деревней, уныние витало в воздухе. Оно оседало на покореженных зданиях, покосившихся заборах, на серых деревьях и черной траве. Оно впитывалось в кожу серой грязью, изменяло лица страданием, проникало в легкие болезнью и поражало сердца отчаянием. Деревня, когда-то благоухающая свежесвыпеченным хлебом, теперь походила на засохший цветок, который только ждал дуновения ветра, чтобы превратить высушенные черные листья в пыль. А ведь это место находилось в стороне от военных действий.

Под копытами коня хлюпали помои, перемешанные с грязью дорог. Всадник, въехавший в деревню, привстал в стременах, чем вызвал недовольное фырканье своего вороного друга.

– Ну, ну, потерпи немного. Скоро отдохнешь.

Мужчина ласково потрепал гриву коня и направил его между домов – туда, где острый взгляд вампира разглядел трактир. То, что он работал, было удивительно для этого неспокойного времени.

Доверив коня заботам чумазого мальчишки, носферату поднялся по скрипучей лестнице, посторонился, чтобы пропустить выходящего. Тот нетвердой походкой переступил порог, пролетел ступени и свалился в грязь, обозначив место рядом с собой рвотной массой.

Пристроившись в дальнем углу трактира, Бенджамин де Конинг вытащил из мешка всю личность, пересчитал.

Не густо. Быть может кто-то и использовал войну для наживы, но анисит поистрепался настолько, что в его вещевом мешке даже не было запасного белья.

Бен вернул большую часть запасов в потертый кошель, прикидывая, что этой суммы должно хватить на ночлег, а там к завтрашнему дню он уже будет дома. Оставшиеся деньги он протянул девушке – смазливой милашке в грязном переднике. Кружка пива да похлебка – вот и весь нехитрый ужин, который заказал вампир. Ножны с саблей покинули портупею и легли рядом с вампиром на стол как немой намек завсегдатаям трактира, что шутки с гостем плохи.

Трактир гудел, хлопала дверь, пропуская посетителей. Охрипшим голосом местная красотка с обвисшими грудями, синяком под глазом и в разорванном платье вытягивала ноты, проверяя местных на прочность их рассудка, ибо такой скулеж трудно было назвать пением. Однако завсегдатаев это не задевало. У них были свои песни: слова подкидывал разгоряченный алкоголем разум, а музыкой служили удары кулаков о столы или о носы соседей.

Но, казалось, что все это Бена совершенно не волновало. Мыслями он был не здесь, а за десятки миль от этого постоянного двора.

Он вспоминал свою мать Августу, теплую выпечку, которую она всегда готовила на выходных, когда была жива. Прошедший обращение в тридцать семь лет, Бен слишком привык к человеческой еде, чтобы полностью от нее отказаться будучи вампиром.

– Ваше пиво!

Де Конинг равнодушным взглядом проводил девушку. Убедившись, что он ей более не интересен, достал из нагрудного кармана маленький мешочек, вытащил из него несколько тонких полосок ткани темного цвета и отправил их в кружку. Деревянной ложкой помешал напиток. Засохшая кровь лишь слегка окрасила пиво. Бен сделал глоток, затем выловил полоски. Обсосал каждую, выжывая из ткани все, что можно, и попутно замечая, что при сильном голоде противный вкус засохшей крови даже не ощущался...

Дверь в трактир открылась скрипучим хлопком, впуская порцию осеннего ветра, помойного смрада и молодежи. Бен оторвался от кружки и взглянул на пришедших.

Это были вампиры. Причем, как заметил круорец, не простые, а с кровью Анисиоса. вполне возможно, что даже из его клана. Де Конинга не было в родных краях около пятидесяти лет. За это время могли родиться дети, вырасти до сознательного возраста, пройти обряд обращения, вкусив кровь. Пятьдесят лет – приличный срок даже для тех, кого люди называли носферату. Новоприбывшие могли быть из числа смертных, выбравших вечную жизнь, или прошедшими обращение проклятыми – так называли детей носферату, в роду которых не было примеси человеческой крови. Таким был и сам Бен. А быть может те ребята – полукровки: от связи вампиров с людьми тоже получались дети.

Бен улыбнулся своим мыслям и вернулся к похлебке, на поверхности которой уже образовывалась противная жирная пленка зеленоватого цвета.

– Ну и клоака, – донесся до него голос молодого носферату. – Рингони, что это за помойка?

К кому обращался вошедший блондин, де Конинг не видел. Зато слышал женский смех, хлопки и звуки поцелуев.

– Джонни, милый Джонни. Будь снисходителен к людям, тем более если они собираются устроить для тебя праздник.

Говоривший с сожалением оторвался от губ рыжеволосой красавицы и присоединился к друзьям. Его черные длинные кудри полностью скрывали лоб и опускались на глаза. Широкий бант связывал волосы сзади. Шейный платок ослеплял своей белизной и подчеркивал алый цвет пухлых губ.

– Эй, хозяин! Доставай свое лучшее пойло, неси закусок. И девочек... девочек нам! – прогорманил носферату, подталкивая Джонни и его брата-близнеца к свободным столам, вокруг которых сразу же развернулась активная деятельность.

Бен отвел взгляд, предпочитая не вмешиваться в дела сородичей. Ложка нырнула в зеленую жижу, чтобы вскоре вынырнуть с кусками почерневшего картофеля. Вампир отмахнулся от мухи, норовившей залезть к нему в миску, и медленно поднес ложку ко рту, словно нарочно оттягивал удовольствие.

В помещение вновь влетел смрадный запах улицы. Но на этот раз не было ни удара двери о стену, ни скрипа несмазанных петель. И это отступление от местных традиций было настолько удивительным, что Бен опустил ложку и посмотрел на вошедшего. Тот был явно старше того молодого вампира-блондина и его брата, что пришли несколько минут раньше.

Новоприбывший осмотрелся в поисках своих друзей. Взгляд карих глаз остановился на круорце.

– Пьетро, Кхорт меня побери! – Бен вскочил. От рывка пошатнулся стол, опрокинулась кружка с пивом. липкие капли скользнули по поверхности и затекли под ножны, лежащие на столе.

Вместо тысячи слов – одни крепкие объятия.

Первое удивление от встречи с кузеном сменилось для Пьетро растерянностью и даже страхом. К счастью, ничего этого не видел ослепленный радостью Бенджамин.

– Эй, алхимик! – не успел Бен разорвать объятия, как сзади на него налетели.

– Рингони, Кхорт тебя!

Де Конинг чуть не задохнулся в объятиях своего старого приятеля – то-то голос этого вампира показался Бену знакомым. Видимо, за пятьдесят лет Рингони не только отказался от бороды, но и изменил стиль в одежде.

– А говорил, что никогда ноги твоей не будет в этом заведении!

На это Бену ответить было нечего. Когда он еще жил в Рэдланже – родовом гнезде аниситов, то действительно избегал ездить в эту деревню. Но дело было не в его нежелании устраивать кутежи вдали от старших родственников. Просто были занятия и поинтереснее: с шести лет он предпочитал свободное время проводить в лаборатории отца. И хотя Вильгельм де Конинг старательно пытался сделать из сына алхимика, того больше увлекала медицина. А между тем сам Рингони был частым гостем в трактире.

– Я так... – чувства переполнили Бена. Он не мог говорить: лишь улыбался во весь рот и переводил взгляд со своих друзей на их молодых приятелей и обратно.

– А мы-то как рады, что ты жив! – быстрый кивок Рингони в сторону Пьетро остался Беном незамеченным. Вампир потянулся за португеей, но, увидев, что ее уже взял кузен, вновь отдался во власть эмоций. Как же он рад был видеть своих друзей!

Процедура представления прошла быстро. Джонни и Стефан были близнецами, белокурыми, с прямыми волосами. Из-за высокого роста, узких плеч и чуть сутулой спины они казались подростками на фоне широкоплечего Пьетро и мускулистого Рингони. И все же было кое-что, что объединяло всех пятерых, собравшихся за столом: чистый цвет карих глаз без каких-либо иных пигментных вкраплений – характерная черта чистокровных вампиров, в роду которых не было ни обращенных людей, ни полукровок.

У всех пятерых на груди на короткой цепочке висел кулон с изображением солнца. Его могли носить лишь те чистокровные вампиры, которые прошли обращение кровью аниситов.

Убедившись, что у друзей полны кружки, Рингони встал.

– Мы здесь, – начал он торжественным тоном, – чтобы поздравить с присоединением к нашим рядам вечно молодых и здоровых Стефана и Джонни де Мистен, а также отметить возвращение из мира мертвых Бенджамина де Конинга.

Первую кружку опустошили быстро. За ней пошла вторая, третья. Вскоре молодежь удалилась с подоспевшими красотками в отведенные им номера. За столом остались лишь трое приятелей. Анекдоты Рингони сменялись комплиментами обслуживающим дамам, а те, в свою очередь, вопросами, адресованными Бену. Глаза вампира закрывались – сказывалась усталость, да и время уже было позднее. Все посетители отправились по домам либо разошлись по комнатам. Трактир опустел. Лишь чумазый мальчишка прикорнул за прилавком в ожидании полуночных гостей.

– Ну и как там... это... все? – вопрос Рингони, заданный заговорщеским шепотом, вывел Бена из состояния полудремы.

Вспоминать события прошедших сражений ему не хотелось.

– Не спрашивай, – устало отмахнулся вампир. Он перевел взгляд на кузена и озвучил тот вопрос, который его волновал весь вечер. – Как там наши? Как отец?

Он надеялся, что Вильгельм де Конинг не отправился еще в каменно-огненный Тресон – последнее прибежище души носферату. Отец Бенджамина был тем, кому, вполне возможно, суждено однажды занять место своей матери и возглавить основную ветку потомков Анисиоса. Этот клан был силен своими знаниями, однако де Конинги держались вдали от всех политических дрызг и предпочитали использовать знания по-другому.

– Жив, куда же он денется. Ждет тебя! – Рингони не дал ответить Пьетро. И это насторожило Бена.

– Что-то не так?

Молчание кузена вынудило Бена отставить кружку. Он не узнавал своего брата, всегда такого открытого и веселого.

– Что случилось?

– Все в порядке, – рука кузена легла на плечо вампира. – Сейчас вернусь.

После ухода Пьетро за столом воцарилось молчание.

Одинокая муха заглянула в кружку Бена, жирный таракан подкрался к миске, в щелях трактира завыл ветер.

– Не обращай на него внимания, – успокоил товарища Рингони. – Он на днях со своей девкой разругался. Еще не пришел в себя.

Бен потер переносицу. Теперь, когда первый восторг от встречи улегся, он понял, насколько устал.

– Слушай, я бы, наверное, пошел поспать. А завтра могли бы все вместе поехать домой.

– Без проблем. Вместе веселее. Но ты, случаем, есть не хочешь? – Рингони бросил на приятеля понимающий взгляд.

– Смеешься? Я почти месяц нормально не ел, а вы тут маячите передо мной, – де Конинг рассмеялся. – Еле клыки сдерживаю!

Рингони закатал рукав, обнажая вену и протягивая руку товарищу.

Печальная улыбка коснулась губ Бенджамина: за пятьдесят лет он уже забыл какво это – пить из самого сосуда.

– Спасибо!

Во рту мелькнули клыки, и вампир склонился над рукой.

Это была ошибка.

Ударом локтя по затылку Рингони прервал ужин Бена.

Приобретенные в сражениях рефлексy вытеснили из головы вампира все вопросы: руна активировалась, и Бен увидел в переплетении кровеносных сосудов, как сзади к нему приближается кто-то с не совсем мирными намерениями.

Круорец толкнул стол и резко вскочил, борясь с головокружением от удара того, кого он считал другом.

– Какого Кхорта здесь происходит?

Перед ним стоял вооруженный Пьетро. Рингони неторопливо обходил упавший стол, с усмешкой глядя на бывшего вояку. В свете горящих факелов сверкнула сталь сабли, которую старый приятель Бена вытаскивал из ножен.

Рука круорца потянулась к оружию, но португя была пуста. Единственное, что у него было с собой – короткий клинок.

– Пьетро!

– Тебя не рады видеть дома, кузен. Уезжай отсюда.

– Тихо, тихо, – вмешался в разговор Рингони. – Ты с ума сошел! Как это уезжай? Я награду хочу! За твою голову отец обещал хорошо заплатить! Не стоило тебе оскорблять Главу. Ничего личного, Бен!..

Первую атаку Рингони Бен отбил: гарда захватила острие противника, де Конинг развернулся, заставляя бывшего друга реагировать на движения и отступать. Но в повороте Рингони выхватил свой клинок и направил его в сердце вампира.

Бен успел создать с помощью руны Круоры на руке плотный кровавый нарост, который и принял на себя удар. Острие прорезало ткань рубашки и наткнулось на темную броню, опоясывающую предплечье.

Слишком надеясь на этот удар и вложив в него всю силу, Рингони по инерции сделал шаг вперед – как раз навстречу клинку Бена. Вампиру удалось спасти глаз, но оружие рассекло кожу на скуле.

– После твоего отъезда Вильгельм обвинил тебя в измене, – Рингони провел рукой по лицу, стирая кровь. – Но все надеялись, что ты сдохнешь на войне. А когда был образован Союз и создана Конфедерация, оказалось, что теперь можно не просто уничтожить соклановца по приговору Главы, но и объявить межрассовую охоту на неудобного вампира. Союз одобрил право семьи требовать твоей смерти. Так что теперь ты для многих лакомая добыча.

– Ты лжешь!

Бен не поверил. Ему казалось это дурным сном, глупым розыгрышем. Вот только выражение лица Пьетро говорило: все – правда.

Но не для того круорец в течение пятидесяти лет выживал в мясорубке войны, чтобы сейчас сдохнуть от рук своих же родственников; не для того он так спешил в родной Рэдланж, чтобы здесь найти смерть...

Крипты радужки Бена стали красными, этот цвет начал распространяться, замещая коричневую окраску глаза на амарантовую. Кровь полилась из ладони анисита плотным потоком. Она закручивалась, формируя образ сабли. На все ушло не более секунды – и вот уже пальцы Бена сжались на рукояти.

Черeda ударов обрушилась на Рингони. Летели столы, ломались лавки, не выдерживая натиска двух аниситов. Мелькали клинки, звенела сталь. Но одна ошибка – и вот кинжал вылетел из рук Бена, а клинок Рингони пронзил бок изменника и припечатал того к стене.

– Ты покойник, Бен, – Рингони наслаждался победой. И все же он поторопился.

Стоило ему слегка ослабить давление на тело и немного отодвинуться, чтобы всадить клинок в сердце, как Бен направил кулак в челюсть противника. А за ним еще и еще удар со всей аниситовской мощи.

Радужка глаз Рингони окрасилась в желтый – вампир тоже решил обратиться к руне. Его руна Перевоплощения – это увеличенная скорость, удлиненные руки, волчья пасть с набором острых зубов, способных перегрызть любую кость. В таком обличье даже сабля вампиру-перевертышу не нужна: когти по остроте равны кинжалам. Рингони обрушил на противника серию ударов лапой с огромными когтями. Кровавый меч вылетел из рук Бена и в воздухе превратился в алую массу, которая быстро впиталась в пол.

Секунда – и Рингони опрокинул противника на спину. Взгляд поверженного скользнул по Пьетро, который предпочел не вмешиваться в драку. В руках кузена уже не было оружия, но по его глазам Бен понял: рассчитывать на помощь Пьетро не стоило. Как и не стоило пытаться выбраться отсюда живым. И все же...

И все же битва еще не проиграна.

Вместо того, чтобы попробовать спихнуть с себя тяжелую тушу, Бен, наоборот, обхватил руками бывшего друга и прижал его к себе.

Еще мгновение – и острые когти Рингони располосуют изменника, однако вместо этого тело перевертыша обмякло, с губ сорвался стон, а на спине сначала появились наросты – маленькие тонкие бугорки, которые увеличивались в размере. А когда они проткнули одежду, стали видны иглы бардового цвета.

Бен перевернулся, оказываясь теперь сверху своего противника, и осторожно приподнялся. Кровь Рингони окрасила рубашку круорца в алый. Алые реки стекали по иглам, растущим из груди Бена. Вампир сделал вдох. Глаза с амарантовой радужкой на мгновение прикрылись – и иглы стали исчезать. Они теряли свою форму, превращались в тягучую массу, которая всосалась в тело Бена. Все, что напоминало о них, – дыры на рубашке.

Круорцу приходилось рассчитывать свои силы. Молодость ограничивала использование кровяных форм, но как только иглы исчезли, в руках Бена вновь появилась сабля. Осталось лишь завершить начатое...

Тени ожили. Они потемнели, сменили свои очертания, лениво отделились от стен, от столов и скамеек и черной рекой потянулись туда, где сплелись в схватке двое. Темные щупальца, извиваясь змейкой, поднялись по телу вампира, опутали ему руки и развели их в стороны.

Бену не удалось нанести решительный удар. Занятый Рингони, он пропустил, как в комнату проскользнули два брата. Это они, активировав руну Арбори, обратились к теням, чтобы пленить Бенджамина.

Проклятия сорвались с губ вампира, а вместе с тем смерть устремилась в сторону близнецов: из ладоней круорца вырвались гибкие ленты, напоминающие щупальца. Щупальца, с остриями на конце.

Молодые вампиры, рожденные не более тридцати зим назад, не успели даже понять, что происходит, когда острое проткнуло им грудь, вошло в сердце, где расцвело еще рядом острых отростков. И через мгновение на том месте, где стояли близнецы, осталась лишь одежда, прикрывающая груды пепла.

Кровяная масса еще не успела втянуться в ладони Бена, когда вампир согнулся от новой боли. Рана в боку горела, словно в ней все еще находился нож, который вновь и вновь разрывал плоть. Перед глазами мелькали разноцветные пятна, пол качался, глаза – слипались. Еще немного – и он не в состоянии будет сражаться: сила руны Поглощения, направленная вигофагом, готова была отнять у него последние силы.

Но Бен привык выживать. Война научила многому: если атакуют – отбивайся, если противник зазевался – бей.

Секунда – и кровь круорца обратилась в оружие. Мгновение – и прежде, чем Бен осознал свое действие, выполненное на одном инстинкте, лезвие меча с разворота снесло голову вигофага – и Пьетро рассыпался пеплом.

Вопль родился в комнате, отразился от стен и понесся по этажам постоянного двора.

Вопль ужаса и отчаяния вырвался из горла Бена, когда он понял, что натворил. Дрожащей рукой круорец коснулся вороха одежды, под которой был пепел – все, что осталось от брата.

Времени, пока Бен занимался соклановцами и кузеном, оказалось достаточно, чтобы раны Рингони перестали кровоточить. И хотя они напоминали о себе жуткой болью, вампир вернул себе способность двигаться и сражаться.

Словно в замедленном темпе Бен видел то, что происходит.

Вот Рингони отвел руку назад – и зашуршала ткань разрезанной на лоскуты во время битвы рубашки.

Вот хрустнула половица, принимая вес перевертыша, который сделал шаг в сторону круорца.

Вот блеснуло холодным светом лезвие, готовое рассечь воздух и пресечь существование Бена.

В руке де Конинга появился хопеш. У вампира не было сил даже подняться – руна кузена сработала, и ему нужно время, чтобы восстановить силы. А значит все, что есть, он должен вложить в один удар.

Круорец оттолкнулся от пола. Не выходя в верхнее положение, он бросил тело вперед и увлек за собой оружие, которое захватило ноги противника и срезало их.

Крик и вой, стон и проклятия вырвались изо рта Рингони. В попытке не упасть лицом в пол он отбросил клинок. Руки задержали падение тела. Перевернувшись на спину, Рингони схватился за обрубки, в которые превратились его ноги.

Бен уже стоял над ним, чуть покачивающийся, но все же вновь готовый сражаться. Выражение его лица испугало вампира: Бен готов был убивать.

– Ну давай же! – бросил Рингони стоявшему над ним врагу. Но вместо того, чтобы нанести последний удар, Бен опустил хопеш, который сразу же потерял свою форму и густой массой втянулся в ладонь.

– Да пошел ты!

Де Конинг ногой оттолкнул клинок Рингони подальше от бывшего противника, устало опустился на стул и уставился перед собой.

Все для него потеряло значение. Встреча с другом обернулась предательством, объятия с братом – грудой пепла. Он все эти годы так мечтал о доме, а дома, судя по всему, мечтали о его смерти. Не так давно Бен знал, чего хотел: вернуться в родной Рэдланж и продолжить жить той жизнью, которую прервала война. А что теперь? В его кармане – ни гроша, одежда превратилась в тряпку.

Вампир поднял голову и оглядел трактир. Шум не привлек внимание обитателей комнат на втором этаже. Видимо, драки здесь были обычным делом, не вызывающим ничего интереса.

В очаге горел огонь, фонари в креплениях вдаль стены отбрасывали пляшущие тени, но даже в этом тусклом свете черными кляксами на полу виднелись кровавые следы, и вряд ли ароматы готовящейся пищи и алкогольных испарений в ближайшее время перекроют приторный запах смерти.

Де Конинг скользнул взглядом по груди одежды и поднялся.

– Ты уже до мародерства опустился? – подал голос из угла Рингони, наблюдая, как Бен стягивает с себя одежду, облачается в наряд Пьетро и собирает в узел костюмы братьев. Деньги убитых переместились в потертый кошель.

Однако, кроме одежды, от вампиров осталось и кое-что еще – серебряные кулоны на короткой цепочке. Их надевали на шею проклятым – чистокровным вампирам – во время обряда обращения. Три кулона со знаком солнца на одной стороне и с именами носферату на другой.

Сжав их в руке, Бен некоторое время стоял в задумчивости.

– Передашь их родным, – де Конинг бросил кулоны на колени бывшего друга. – И вот это тоже.

Он сорвал со своей груди такое же украшение, почти физически ощущая, как рвется его связь с семьей.

– Можешь сказать, что отомстил за убитых, и получить причитающиеся за мою голову деньги.

Еще один кулон полетел в сторону Рингони.

– Ты издеваешься? Отец Пьетро – сенсусит, забыл? Он мне голову свернет за обман, – завопил безногий, вспомнив, как легко упомянутый Сильвестр де Кониинг с помощью руны Сенсуса считывал воспоминания соклановцев.

– Это твои проблемы.

– Нет, это твои проблемы, де Кониинг! Они узнают, что ты убил представителей своего клана. Они тебя найдут. И я буду вместе с ними, чтобы видеть твою смерть, – Рингони перешел на крик. Он плевался своей ненастью и уже заранее наслаждался мстостью.

Бену показалось это забавным с учетом того положения, в котором находился его противник. Вампир улыбнулся. Улыбка оказалась вымученной, бок болел и от каждого движения вновь кровоточили поврежденные сосуды, наскоро заделанные регенерацией.

– Ты всегда был мстительным ублюдком, – устало проговорил Бен.

Круорец двинулся в сторону двери, по пути подбирая разбросанное оружие. Пора было ему покинуть эти места. И все же прежде чем выйти из трактира, он вновь приблизился к Рингони, отложил в сторону собранные вещи, оставив в руке лишь клинок.

Страх мелькнул в глазах «мстителя».

– Ничего личного, Рингони.

Нет, Бен не собирался его убивать. Просто он был слишком голоден, чтобы проигнорировать возможность наесться.

Из ладони выросли щупальца, которые стянули тело перевертыша. В отсвете фонарей блеснул клинок, врезаясь в плоть поврежденной ноги. Питательная влага полилась из живого сосуда.

Кровь вампира – еда для анисита. Однако у Бена были и иные отношения с этой субстанцией. Круорец, он управлял кровью.

Он умел замедлять кровоток как в своем организме, так и в организме противника, хотя использовал эту способность редко – слишком много сил на данном этапе развития вампира на это уходило. Он мог создавать несколько кровавых форм. Их число ограничено, но это лишь временные трудности. Если повезет, то он достигнет высшего мастерства в рунном использовании. Круорцев не берут многие яды и к алкоголю они устойчивы. Последнее, правда, иногда бывало ужасно неудобно, особенно когда хотелось просто напиться и забыться.

По крайней мере вот эту историю Бен с удовольствием забыл бы на время.

Но сейчас он лишь создал из алого потока кружку, в которую нацедил кровь Рингони.

Утолив голод, Бен поднял собранные вещи и приблизился к стойке. Под столом, вжав голову в плечи, бледный от ужаса сидел местный парнишка. Бен кинул тому золотые, расплачиваясь за себя, своих товарищей и за причиненный ущерб, и покинул заведение.

Он вывел коня из конюшни и ударил каблуками по бокам. Путь домой ему был закрыт. Куда ехать? Оставалось лишь положиться на удачу. До замка – пять часов. Пока Рингони или его посыльный доберется до Рэдланжса, пока соберут желающих сорвать голову вампира, плюс еще время на обратную дорогу. Итого как минимум десять часов у него имелось.

А может ничего не будет, и все просто плюнут на изменника, надеясь, что он сам где-то сохнет?

Бен не рассчитывал на такой удачный для себя расклад, поэтому пустил коня галопом. За отведенное время он должен оставить позади как можно больше миль...

...Мили. Сколько их было? А сколько было сбитых башмаков, загнанных лошадей? Сколько крови было пролито и сколько вампиров обратилось в пепел?

Два века скитаний и битв за право жить. Эрна, Глава клана де Кониинг, постаралась: награда за его смерть была высокой. Бену срезали локоны, чтобы доказать выполнение приказа. Он без сожалений расставался с волосами, но голова вампиру была дорога.

Он бежал на север, прошел всю Большую землю от запада, где на горизонте виднеются очертания острова Расуэк, до востока, где возвышается башня Стилвок, в чьих недрах хранятся свинцовые гробы вампиров-преступников. Он сам провел в таком двадцать лет, расплачиваясь за неудачный опыт по переливанию собственной крови человеку. Человеку, правда, не повезло: он не стал носферату, а превратился в монстра. И теперь это чудовище, этот некрофаг – здесь, рядом с Беном.

Вампир видит его гниющую плоть с обнаженными костями на ногах. Монстр приближается, а вместе с ним все отчетливее звучит скрежет: острое топора, зажато в разлагающейся руке, царапает бугристую поверхность платформы. И тысячи... миллионы мелких царапин бегут от получившегося разлома, из которого вылезает прошлое: знакомые и незнакомые лица обретают плоть и несутся мимо Бена, отдавая его тлетворным жаром.

Обнаженные тела и обезображенные головы то ли людей, то ли животных заполняют пространство. Они движутся с такой скоростью, что сливаются в размытые линии.

От такого мельтешения кружится голова и когда кажется, что нет больше сил выносить это, мелькает свет, отражая блики от лезвия занесенного над головой топора...

Крик заглушает все звуки видения. Крик заставляет Бена открыть глаза и дернуть ногу. Отсутствие ступни – веская причина, чтобы вырваться из плена сна.

Он вновь в 2016 году, в сокращающемся мире, который пахнет его потом и кровью. Но теперь ко всему этому добавился новый аромат: воздух наполнился запахом обожженной плоти. Обрубленная нога покоится на платформе, пульсируя болью. Капли пота стекают по спине и холодят, словно кто-то прошелся сзади, подняв прохладный поток воздуха.

Бен знает, что там никого нет, но все же оборачивается. Оборачивается, чтобы увидеть ее – Главу клана, свою бабу. Он многим ей обязан: она снабжала его книгами из хранилищ, пока он жил в Рэдланже, поддерживала стремление заниматься медициной. И сейчас он рад был видеть ее хотя бы в роли призрака, созданного сознанием, которое еще теплилось в этом теле, охваченном лихорадкой.

– Эрна, почему смерть постоянно преследует меня? – сквозь хрип вырывается вопрос.

– Не тебя одного, – женский голос, мелодичный и тихий, звучит везде. Бен слышит его, будто Эрна рядом. От фигуры, стоящей напротив, идет свет, и приходится поднести руку к лицу, чтобы отгородиться от него. – Жизнь и смерть – две части одного целого. Без второго не бывает первого.

Тьма раздвигается, уступая место зелени: она щекочет ноги, наполняет легкие ароматом цветущих растений.

Бен словно переносится в Рэдланж двенадцатилетним подростком, у которого еще все впереди.

На краю обрыва стоит светловолосая женщина с толстой косой, спускающейся до бедер. Тонкая накидка покрывает обнаженные плечи, длинный шлейф платья приминает траву.

Ее словам вторит шум воды, бьющей у подножия обрыва.

– Нельзя спасти тысячи людей, не убив одного. Разве ты сам не говорил об этом? – ироничные нотки в голосе даме вызывают на лице парня раздраженную гримасу.

– Это всего лишь отговорки. Признание в собственном бессилии. Ведь нельзя же спасти всех. Приходится выбирать. Но я не бог.

– Бог людей, Иен, создал их слабыми, а Кхорт сделал нас сильными. Так почему бы не усовершенствовать то, что создал Иен? И если кто-то умер, не стоит винить в этом себя.

Женщина медленно поворачивается к собеседнику, сидящему на траве.

– В конце концов, мы не обязаны вмешиваться в дела людей. Пусть ими занимаются теурги – не стоит магам давать возможность лишней раз нас ненавидеть.

– Но нельзя заниматься наукой ради науки. Она должна приносить пользу. Бабушка, разве не так?

Колышутся юбки, дрожит шлейф, надушенная рука касается щеки паренька.

– Многие открытия бывают опасны. Не все знания могут принять люди. Иногда лучше промолчать, отойти в сторону и смотреть, как гибнут десятки, вместо того, чтобы спасти их и спровоцировать гибель тысяч.

Солнце палит нещадно и слепит глаза даже в этом мороке. В мельтешении точек сливаются дни и года. Память перематывает воспоминания. И кажется, что место осталось прежним и лица окружающих не изменились. Лишь он – уже не подросток, а мальчишка, проклятый – ребенок вампиров, который еще не прошел обращение. Его голова покоится на подушках, тело лихорадит. Ему всего восемь лет...

– Не надо было запира́ть его в подвале, – голос матери звучал глухо из-за закрытой двери, на которую устремлен лихорадочный взгляд мальчишки. – Вильгельм, он же еще ребенок. Ему бы бегать с друзьями по двору, играть в вышибалы на мечах, а не сидеть в твоей лаборатории, растирая минералы.

– Не смей мне указывать, как воспитывать сына.

Звук пощечины и вскрик матери отозвался болью в голове ребенка и в сердце того, кем этот ребенок стал, словно сон соединил двух существ: проклятого и вампира.

– И пусть он знает, – голос отца гремел, и даже обитая железом дверь не в состоянии заглушить его. Эта фраза предназначалась не для матери, а для него, внука Главы клана. – Как только ему станет лучше – он вернется в подвал. Наказание еще не закончено.

Тело болело. Болели раны от отцовского кнута, прошедшего по спине, болели мышцы, которые сводило судорогой, болела голова. Все это мог бы исправить маг жизни – дарк Ланс Паттерсен, но отец не впускал его в дом.

Некоторое время мальчик находился в беспамятстве. Темные кудри облепили мокрый лоб.

Он открыл глаза, лишь когда услышал шелест юбок.

– Бабушка! Бабушка! Я не хочу умирать!

– И не умрешь! – прохладная рука коснулась его лба, будто стирая боль и усталость. – Ты, как феникс, возродишься.

– Я не хо... – он попытался возражать. Нет, он не хотел становиться вампиром в этом возрасте. Быть вечным мальчишкой – лучше умереть. Вот только не знали родители, что становиться вампиром мальчик вообще не желал.

И все же настанет время, когда дальше тянуть будет нельзя. Но это будет после, а сейчас...

– Ты возродишься сам, – успокаивала мальчугана женщина. И эти слова слышит он, проживший не одну сотню лет. Взгляд Эрны направлен не на лицо ребенка, а куда-то вглубь, сквозь пыль веков, которые прошли, сквозь толщу столетий, которые еще будут. – Ты приблизишься к грани, пожмешь руку смерти и пойдешь дальше более сильным. Это жизнь, Бенджи. А это значит, что там, где кончается одно, начинается другое. Просто не сдавайся...

– Не сдавайся...

В своих видениях он вновь подросток, стоящий на краю обрыва вместе с женщиной, которая за эти годы нисколько не изменилась: то же вечно молодое лицо с большими карими глазами.

– Профессор, ученый, сделавший современную медицину и фармацевтику. Не важно, какими именами ты пользовался или кому отдавал свои творения, ты сделал свое дело. Я следила за тобой – всегда и всюду с того момента, как ты ушел. Я видела все твои падения и твои победы. Но на фоне всех твоих открытий я рада, что многие из них так и не дошли до людей. Значит, мои уроки не прошли даром. Я горжусь тобой. А ты – гордишься собой?

Ему есть, чем гордиться, и есть, о чем сожалеть. Медицина строится на смертях и крови. А еще на деньгах. На грязных деньгах. Но смогут ли спасенные жизни отмыть эту грязь?

Тьма вновь раздвигается, словно издевается над своим пленником. Исчезает запах гнили и паленого, вместо этого пахнет дождем, навозом, поцелуями, потом и спермой. Этим ароматом было наполнено для вампира начало девятнадцатого века. И Бен помнит его. Запах ощущался задолго до того, как в поле зрения попал огромный особняк на краю города, принадлежащий некой мадам Гурдан. В его залах по вечерам горел свет, звучала музыка, дамы в шикарных туалетах кружились в танце с кавалерами, официанты бегали, разнося вина и закуски. В соседнем зале мужчины играли в кости и покер.

Ближе к полуночи от здания отправлялись экипажи. Когда все добропорядочные жители города укладывались спать, красавицы из особняка выходили на работу. В разных уголках города их ждали клиенты – мужчины, которым нужны утешения, развлечения или просто ласки. Кому-то подавай недотрог, кому-то – развратных и смелых до экспериментов дам. Мадам Гурдан выполняла любые заказы. Никто не знал, откуда у нее эти девушки: темнокожие или бледнолицые, с раскосыми глазами или с пухлыми губами – они появлялись так же неожиданно, как и исчезали.

Это было новое время и у него было новое имя. Как же его, урожденного де Конинг, тогда звали?

Беннет? Гарри? Нет. Он взял имя Кеннет и фамилию своего приемного отца – Лозари...

В тот вечер он вошел в здание с заднего двора. Внушительного размера чемодан оттягивал руку, а иногда больно стучал по колену.

Час был поздний, но мужчина знал, что его ждут. Ему даже не пришлось стучаться: как только он поднялся по трем каменным ступеням, упирающимся в темную дверь с золотой инкрустацией, ему открыли. Даже сейчас, спустя несколько веков, он вновь переживал ту неловкость, которую всегда испытывал при входе в это здание.

Он знал, что за дверью, мимо которой лежал его путь, мужские руки скользят по коленям сидящих рядом дам, а иногда, не стесняясь присутствующих, поднимаются выше, чтобы коснуться груди, затянутой в корсет.

– Смотрю, сегодня ажиотаж, – вампир старался не обращать внимание на доносившиеся из комнат стоны. Плотные двери не могли их заглушить. Страсть, боль, злость и наслаждение – все эти эмоции перемешивались здесь в чудный коктейль, который раз за разом привлекал новых клиентов, готовых платить за удовольствие.

Сопровождающий – дарк, маг, вкушивший кровь носферату и состоявший в свите Главы клана Хальда Лозари, – жестом предложил гостю следовать за ним. Хрустели башмаки теурга (как официально называли себя маги), но не скрипнула ни одна половица крутой лестницы. Звук шагов заглушал пушистый ковер, балясины сверкали золотом, начищенные до блеска перила ловили отражение мужчин.

Но не успели они сойти со ступеней, как дверь в конце коридора распахнулась и оттуда вылетело облако кружесв. Кружесва были везде: на голове, на руках. Широким юбкам наряда было тесно в узком пространстве вытянутого прохода.

Внутри этих кружесв находилось личико с аккуратно выстриженной бородкой, с толстым слоем румян на побеленном лице.

– Свинья! – тонкие руки с длинными пальцами подхватили юбки, и существо продолжило свое стремительное шествие, норовя смести вошедших. – Нет, какой же он свинья!

Алые губы того, кто был известен под именем мадам Гурдан, изрыгали проклятия.

– Антуан! – Кеннет-Бен остановился и вжался в стену, чтобы несущееся по коридору нечто не снесло его.

– О, братец, – белое личико скривилось в гримасе отвращения. – Тебя мне тут только не хватало.

Презрительный взгляд достался и дарку. Хмыкнув вместо приветствия, Антуан махнул юбками, поймал их, задрал повыше и начал спускаться по лестнице, не заботясь о том, что при таком движении со всех сторон открывался прекрасный вид на его панталоны.

– Чего это с ним? – обеспокоенно спросил Кен.

– Господин Лозари не одобряет выбора Антуаном любовника. Считает, что шевалье Дюран – ему не пара.

– Я думал, они расстались.

– Мы тоже так думали, но оказалось, что их отношения вступили в новую стадию.

Вампир и дарк обменялись сочувствующими взглядами. Хальду не везло. Он, обращенный сангусисой Селеной, стал Главой клана, куда принимались вампиры вне зависимости от родословной. И хотя дела шли вполне успешно, было кое-что, что беспокоило Лозари. Когда-то он был человеком, а это значило, что его дети, испив кровь вампира, могли превратиться не в носферату, а в некрофагов – существ, чьи действия сводились лишь к удовлетворению естественных потребностей, главной из которых являлся голод. Они ели все подряд, не делая различия между мертвой и живой плотью. Срок жизни некрофагов был небольшим: в течение недели существо теряло человеческий вид, в течение месяца в тлен превращались даже кости. И это становилось проклятием для Хальда Лозари. Из всех его детей лишь один успешно прошел обращение. Но природа и тут посмеялась над последователем Селены, даровав Антуану извечную любовь к мальчикам.

Дарк, проводив гостя, откланялся.

– Кеннет, входи! – раздался из-за двери властный мужской голос. Вампир улыбнулся, подозревая, что истинный владелец публичных домов в разных уголках Заолуна в очередной раз использовал свою руну Сенсуса, чтобы определить, кто идет.

Кен вошел в ярко освещенную залу. Тяжелые ишторы закрывали окна. В центре помещения стоял низкий столик с пузатыми графинами. К нему примыкал диван, заваленный маленькими подушками. В глубине помещения – небольшой альков, завешанный прозрачным тюлем, сквозь который угадывались очертания большой кровати.

– Оцени мое последнее приобретение.

На диване возлежал мужчина лет тридцати – тридцати пяти. Он выглядел намного младше вошедшего. Возможно, причина в том, что у хозяина комнаты не так были заметны горизонтальные морщины на лбу, и не было мелкой сетки в уголках глаз. Более бледный цвет лица, более утонченные манеры – эти двое казались полной противоположностью друг друга, и все же вот уже почти шестьдесят лет они были вместе. Отец и сын, не связанные ни родственными узами, ни кровными. Их семейные отношения зафиксированы лишь бумагой, подписанной Регентариатом и хранящейся в архивах Союза с конца прошлого века. Но несмотря на свою внешность, Хальд Лозари разменял уже полторы тысячи лет.

Кеннет Лозари, урожденный де Конинг, встал за спиной своего приемного отца.

Перед мужчинами, стыдливо прикрывая наготу, стояли девушки.

Были здесь низкорослые мулатки, длинноногие негротянки, полногрудые южанки и широкобедрые девушки северных стран. Шатенки, брюнетки и блондинки. И даже одна – представительница редкого вида альбиносов.

– Какая экзотика! – оценил представленное Кен. – Спецзаказ?

– Ага, – Лозари, будто забыв о хороших манерах, ткнул в девушку-альбиноса пальцем, – ее целый год искали. Что скажешь?

Кеннет не спешил отвечать, тем более он прекрасно знал, что отца интересует не мнение о красоте девушек. Ему нужен совет относительно их здоровья. Ведь одних продадут лишь на ночь, а кто-то вскоре перейдет в полное расположение своих новых хозяев. Хотя официально работоторговля запрещена, Хальд всегда найдет в законодательстве лазейки, которыми можно воспользоваться.

– Испуганные они у тебя какие-то, – поделился поверхностными наблюдениями мужчина.

– Я их еще не обработал как следует. Так что не обращай внимания, – махнул рукой Лозари.

Кеннет, облокотившись на спинку дивана, стал более пристально рассматривать девушек своими окрасившимися в амарантовый цвет глазами.

– Беременность в этот спецзаказ входила? – осторожно и шепотом спросил он.

– Которая? – от былой позы властелина если не мира, то этой комнаты, не осталось и следа. Хальд не любил, когда что-то рушило его планы. А в данном случае эта маленькая неприятность могла вылиться в крупную сумму.

– Четвертая слева.

– Исправить?

– Без проблем. Но я бы рекомендовал недельки на три подержать ее подальше от клиентов.

Такой подход явно не нравился Лозари, но в подобных делах он привык доверять сыну.

– У второй справа – сифилис. Я передам это Джоню. Кстати, как он тебе?

Хальд щелкнул пальцами. Из неприметной дверцы, расположенной сбоку, появился мужчина и, не говоря ни слова, вывел дам. Хозяин комнаты потянулся к столику, откупорил графин и плеснул янтарный напиток в два бокала, один из которых протянул сыну. Тот, как только девушки скрылись за дверью, занял свободный край дивана. Объемный чемоданчик остался лежать у его ног.

– Внимательный. Дамы от него без ума. По крайней мере их не надо на осмотр гнать палками, – Хальд улыбнулся, вспоминая, с каким трудом без использования руны Сенсуса пришлось убеждать девочек каждое утро после ухода клиентов обнажаться еще перед врачом, который теперь отвечал за их здоровье.

– Я, кстати, предложил ему пару часов работы в моей клинике. Ты же не против?

Широкий жест Главы клана благосклонно давал разрешение на подобное.

– Хочешь его взять в свиту? – хотя вопрос задан был вполне беспечным тоном, Хальда явно интересовал ответ.

– Нет, – опроверг тревоги мужчины Кен. – Не хочу лишать теурга тех возможностей, которые он имеет сейчас, будучи членом Гильдии. Меня вполне устроят просто деловые отношения с ним и с подобными ему.

– Ты им доверяешь?

– С магами можно работать, – уклончиво ответил Кен. – А некоторые, как и мы, даже не боятся запачкать руки. Не волнуйся, я осторожен.

В комнате воцарилась тишина – мужчины были заняты дегустацией напитка.

Эти два вампира познакомились шестьдесят лет назад, когда один из них был не в лучшей форме и на пороге смерти. Ужасной смерти, насколько в тот момент смог оценить ситу-

ацию Хальд. И все же что-то в том обессиленном вампире привлекло Главу клана настолько, что он даже пошел на подкуп должностных лиц и разыгрывание целого спектакля по спасению сына. Правда о том, что сын не родной, всплыла после, но опровергать документы никто не стал. Так что среди вампиров Кеннет Лозари числился приемным сыном Хальда – не родным, но старшим.

– Кстати, спасибо тебе за пилюли. Здорово экономят мне силы. Девушки от них такие податливые и страстные.

– Рад, что понравилось, – вампир отсалютовал бокалом. – Только не увлекайтесь. Иначе они превратятся в безвольных кукол или умрут от передозировки. И да, у меня тут кое-что для тебя.

Кен пересел поближе к столу, отодвинул графины и стаканы на край и положил перед отцом чемодан.

Хальд перевел взгляд на сына. У Лозари возникло желание проникнуть с помощью руны Сенса в сознание Кена, чтобы узнать, что скрыто в чемодане. Но Глава клана удержался от подобного шага, боясь оскорбить своим действием сына. После некоторых колебаний он все же открыл замок и откинул крышку. Ровными рядами в чемодане лежали стопки банкнот.

– Деньги, – особой радости в голосе Хальда не было.

– Я решил, что пора отдать долг. Дела у компании идут неплохо. Так что мы в состоянии расплатиться с... кредиторами, – последние слова Кен произнес с улыбкой, будто пытался смягчить смысл сказанного.

– Здесь больше, чем ты брал.

– Так и прошло почти двадцать лет.

– Двадцать лет, – эхом повторил Хальд, будто вспоминая те времена. – Не думал, что твоя затея выгорит. Какая-то вишивая аптека, непонятный компаньон. А теперь несколько фармацевтических фабрик. Слышал, что ты заключил ряд выгодных соглашений. Что дальше?

– Дальше будем расти. Займемся исследовательской деятельностью официально, возможно со временем откроем еще клиники. Планов на самом деле много.

Хальд не был рад такому положению вещей. Их отношения с Кеннетом нельзя было назвать особо теплыми. Когда они познакомились, одному давно минуло тысячу, а другой перешагнул трехсотлетний рубеж. Они были скорее деловыми партнерами. Но были бы у них какие-то дела, если бы не договоренности, достигнутые во время их первой встречи?

– Ты хочешь отделиться от клана?

Вопрос был задан осторожно. Да и сам Хальд действовал аккуратно, будто боялся спугнуть сына. Ведь что стоило ему, сенсуситу, залезть в голову Кеннета и вытащить оттуда всю информацию?

– С чего ты это взял?

– Я же знаю, что ты не в восторге от того, чем мы занимаемся...

Не в восторге? Первое знакомство с бизнесом Хальда подвергло вампира в шок. Ловля людей, поиск Иных, чтобы потом у особо ценных экземпляров стереть память, наложить на сознание новые воспоминания и продать подороже тем, кому нужны такие рабы. А желающие ведь были. Были тогда, есть и сейчас. И никакие законы и запреты не смогут этому помешать. Бизнес, строящийся на удовлетворении низменных желаний, будет существовать и дальше...

Смог бы он это принять, если бы не необходимость? Но случилось то, что случилось, и что-либо менять молодой вампир не собирался. Чем бы клан Лозари не занимался – теперь это и клан Кена тоже.

– Не в восторге, – признался мужчина. – Но это не значит, что я отказываюсь помогать клану и тебе. Просто не хочу, чтобы между нами стоял финансовый вопрос. К тому же, – Кен взболтал жидкость в стакане, – возможно у меня к тебе будет деловое предложение.

Хальд не торопил сына, давая ему возможность собраться с мыслями и озвучить желаемое.

– Как по поводу выполнения спецзаказа для меня? Нет, нет, нет, – Кен рассмеялся и отрицательно провел рукой, – не такого. Мне могут понадобиться подопытные. Разные расы. Разные параметры. К сожалению, не все можно проверить на животных.

– Без проблем. Мои юристы оформят все так, что никто из Конфедерации не придерется, – пообещал в свою очередь Хальд.

Около двух веков прошло с тех пор. Изменилась история, менялись законы. Но все так же рабовладельческий рынок находился в руках Лозари, все так же испытывал потребность в подопытных Бенджамин. Лишь публичные дома стали выглядеть иначе. Да и фабрики де Конинга разрослись, компания пожрала компанию, образовав новую корпорацию, охватывающую все области медицины и фармакологии.

Здесь есть, чем гордиться, и есть о чем вспомнить!

– Эрна!

Он вновь вырывается из сна, который, быть может, и сном не был. Морок из воспоминаний, слишком ярких для живого, слишком четких для умирающего. Но его время истекает, хотя он продержался дольше телефона, который выпал из рук, пока вампир спал, и погрузился в окружающую тьму – и в этом Бен видел горькую иронию.

За то время, пока он был без сознания, ничего не изменилось: новые жильцы не появились, в мире кристалла не стало светлее, земля не стала мягче, мгла не стала дальше и даже боль в ноге осталась прежней. Как и остался прежним образ Эрны, следующий серым облаком за его взглядом, куда бы он ни повернул голову.

– Зачем, – он пытается говорить, проталкивая слова, но обожженное горло не подчиняется, и он продолжает вести диалог мысленно, лишь чуть шевелятся губы, беззвучно произнося фразы, – зачем ты здесь?

– Подумай сам. Быть может ты что-то хочешь мне сказать?

Как пущенная задом наперед лента кино, мелькает перед его взором прошедшая жизнь. Что послужило толчком ко всей этой круговерти?

– Ты была права. Нам не стоило вмешиваться в ту войну.

– Нет, Бенджамин. Это клану не стоило вмешиваться, так как от этого зависела жизнь многих. Но каждый член клана мог сам решать, как поступить. Ты сделал свой выбор. Ты о нем жалеешь?

Бен проводит рукой по глазам, смывая выступивший гной. Видение тает. Он вновь один.

– Эрна... Эрна... Тебя здесь нет. Я один, схожу с ума настолько, что мне мерещишься ты – древняя и бессмертная старуха. Нет, я не жалею.

Глаза болят от тьмы, такой беспросветной и пугающей. Она подступает, медленно отхватывая у территории миллиметр за миллиметром. В мире древнего артефакта уже нет бурлящей лавой дыры, но от этого воздух не перестает быть менее ядовитым. Вместо огненного пара в легкие попадает тьма, она разрушает плоть и путает мысли.

– Это не ты. Все эти слова – лишь плод моего воображения; то, что я хочу услышать. Но все это неправда.

– Это так важно?

Бен вздрагивает, испуганно оглядываясь. Но облик Эрны растаял вместе с воспоминаниями. Остался лишь голос, звучащий в голове.

– Тебе это важно?

– Нет, – после небольшой паузы отвечает вампир. – Просто, если я начинаю говорить сам с собой, видимо, мне недолго осталось.

Он поднимает голову, вглядываясь вдаль, где, как ему показалось, что-то мелькнуло.

Нет, всего лишь мираж: превращенная в маленькую звезду умирающая надежда. Звезда крохотная, еле заметная. Бен смотрит, стараясь воображением увеличить ее хотя бы до размера луча, что появился семь дней назад. Тот луч возник неожиданно и осветил сидящих на клочке земли двух существ: женщину-мага и вампира. А когда он исчез, остался лишь один вампир.

«Главное, надеяться. Надежда никогда не должна умирать», – так говорила Ребекка, его невольная соседка и пленница этого мира.

Бен прикрывает глаза, вспоминая эту женщину, что была рядом, но была так далека. Он помнит каждый день, что они прожили вместе. В момент их знакомства этот мир был намного больше.

Они встретились случайно: просто разрушающийся кристалл откинул свои отростки-платформы и всех, кто еще не успел исчезнуть, собрал в основе.

Они провели вместе двадцать девять дней...

Перед ним была тициановая платформа с холмом посередине и небольшим резервуаром в метр диаметром, который находился ближе к краю подсвеченной алым территории. Раньше это было местом выхода хенотов – как назвала змееподобных существ с пастью острых акульих зубов Ребекка. Но эти монстры уже давно не появлялись. Однако пленники периодически поглядывали на булькающую лужу, будто опасались, что из нее вновь вылезут чудовища. Но те умерли первыми, не прожив и нескольких дней после того, как луч магов ударил по артефакту. Так что теперь в лужах ничего не было: только огненная пульсирующая лава, которая распространяла по поверхности смертельный жар.

– Когда выберусь, первым делом нырну в ванную. И чтобы вода там была прохладная, – Ребекка попыталась собрать волосы в пучок, но они вновь потными прядями облепили лицо.

– Я бы на твоём месте не стал употреблять эти два запрещенных слова: вода и прохлада. И первое, и второе нам уже не светит.

Мужчина сидел на склоне холма, срезал перочинным ножиком ногти и периодически поглядывал на женщину, стоящую у подножия этого алого пузырячатого возвышения.

– Так что расслабься и получай удовольствие от последних дней.

– Бенджамин Лоуренс. Что же я слышу? – Бекки приблизилась к вампиру. – Неужели великий ученый, стоящий у истоков современной медицины, и вот так сдался?

Тонкая полоска бровей тревожно сошлась у переносицы – дама была недовольна.

– А что ты от меня хочешь? – мужчина даже не сдвинулся с места и не прекратил свое занятие. – Мы оказались в ограниченном мире, где ничего и никого, кроме нас, нет.

– Ты – пессимист, – в голосе звучали обвинительные нотки.

– Нет, Ребекка. Я реалист. А реальность такова, что нам самим отсюда не выбраться. И я сомневаюсь, что кто-то нас будет вытаскивать. Скорее всего нас сочли погибшими.

– Не смей так говорить, Лоуренс. Даже думать об этом не смей. Нас отсюда вытащат.

Бен убрал ножик и с тревогой посмотрел на женщину. Неужели его расчеты не верны и ее магия дала сбой, а интоксикация, вызванная голодом и обезвоживанием, уже негативным образом отразилась на работе мозга?

– Конечно. Прилетит волшебник, растолкает нас и сообщит, что все это был лишь сон. И ты проснешься в своем небесном доме в райских куцах Раэна, а я – в аду, где случайно заснул между котлами Тресона, – надежды на то, что все это вызовет улыбку у дамы, не оправдались. Что ж, у врачей и без того несколько специфический юмор, а если этот врач еще и вампир...

– Ты... Ты...

– Кто? Хам, извращенец? Кстати, если бы ты сняла платье, телу было бы лучше. Кем ты еще назвала меня в прошлый раз?

– Идиот и дурак, – напомнила Ребекка, но тут же прижала руки к губам, будто эти слова – нечто грязное. – Я не об этом. Нельзя терять надежду. Мы должны верить, что нас отсюда вытащат. Они не могут нас просто тут оставить. Это неправильно.

– А ты, конечно, вся такая правильная... – Бен с сочувствием посмотрел на молодую женщину. Сколько ей? Внешность – лет на тридцать. Статических морщин еще нет, мимические – не столь заметны, контур лица не нарушен. Значит, как магу ей вряд ли более девяносто. Приличный срок. К этому времени многие снимают с себя розовые очки и понимают, что мир не делится на «правильно» и «неправильно», на «хорошее» и «плохое». Потому что вся жизнь – это балансирование на грани. – Верная жена, которая ни разу не изменяла своему вечно отсутствующему мужу, которая не лгала ни ему, ни сыну – любителю влезать в разные неприятности. И неизвестно, где бы он был сейчас, если бы не помощь родителей.

– Родители должны помогать своим детям.

– Нет, Ребекка. Вечная опека – это худшее зло, которое только могут родители дать детям. Твоему сыну уже за двадцать. Ему бы пора становиться самостоятельным. Может хоть с твоей смертью он это поймет.

Речь мужчины прервала звонкая пощечина.

– Что? Я всего лишь по твоему совету стараюсь найти в этой ситуации что-то положительное.

– О, Тамаэн, что же я от тебя хочу. Ты же вампир! – эмоциональный фон женщины подошел к критическому уровню. – Бесчувственная скотина, живущая за счет жизни других.

– Ты говоришь стереотипами, – аккуратно постарался мужчина остановить поток эмоций. Но если женщину несет по волнам ярости, гнева или хотя бы элементарной истерики, то лучше не вставать на ее пути и дать этому потоку схлынуть.

– Скольких людей ты убил? Десятки? Тысячи? Ты же не человек. Такие, как ты, создали этот кристалл, которому нет места на Заолуне. Если бы его не уничтожили, он бы поглотил все. А сейчас из-за твоих сородичей мы здесь. Почему я должна ждать своей смерти?

Бен слушал, мысленно убеждая себя, что Бекки не виновата в том, что исторгают ее уста. Просто обстановка, просто память, просто стресс. Он, наоборот, должен радоваться, что она говорит, смеется. Значит, его план работает и она не ощущает боли и не задумывается о том, во что превращает ее кристалл. Но всему есть предел. И гнев сгустился, поднимающимся от спины, заставил напрячь мышцы. Кровь хлынула к конечностям, готовым к сокрушительному удару. Бен действительно поднял руку, намереваясь схватить эту глупую женщину за горло.

Пришлось до боли сжать зубы, чтобы не допустить этого, позволить разуму взять контроль над телом, запустить руну, успокаивая кровь.

– Если не хочешь ждать, то я могу уже сейчас сломать тебе шею. Или предпочитаешь, чтобы я вырезал тебе сердце?

– Ты же этого не сделаешь? – не совсем уверенно спросила женщина, делая шаг назад. Она была так забавна своим испугом, что гнев Бена исчез, будто обратился в пыль, стукнувшись о стену.

– Конечно, не сделаю. Мне интереснее посмотреть, как будет умирать от обезвоживания маг жизни. Кажется, это должно быть занятное зрелище.

– Дурак! – женщина стукнула его ладошкой по плечу и улыбнулась, оценив шутку.

– А еще самый несчастнейший из бессмертных. Я-то мечтал, что окажусь в изоляции с какой-нибудь красивой и доступной женщиной. А мне тут тебя подбросили. Пигалицу, до которой даже дотронуться нельзя.

– *Дотронуться – можно, лапать – нельзя, – былые серьезность и правильность вновь вернулись к Ребекке. – Я – замужня женщина.*

– *Конечно, замужня, которая застряла с вампиром, – сочувствующе цокнул языком мужчина.*

– *Не застряла, Бен. Просто это одно из испытаний для меня и моих близких. И мы должны его выдержать. И знаешь, я уверена, что они не поверят в мою смерть. Они будут искать. Перероят весь лес, чтобы найти нужный осколок и вытащить меня из этого мира. Мой муж – маг света. Он перетрясет весь Магистрат, доберется до Парламента Конфедерации, но найдет меня, я в этом уверена.*

Мужчина никак не прокомментировал эту речь. Слишком много эмоций. Вполне возможно, что эмоции и имеют какую-то силу, но он не был уверен, что этой силы достаточно, чтобы дотянуться до тех, кто остался по ту сторону кристалла. Кровяная нить, которая позволила вытащить большинство попавших в этот мир, оборвалась уже давно.

– *А тебя? Тебя кто-то будет искать?* – *Ребекка опустила рядом с Беном. Она двинулась медленно, осторожно, будто ожидала, что боль яркими всполохами вновь напомнит о себе.*

– *Нет. Не будет.*

Он бы хотел ограничиться этой фразой, но взгляд женщины говорил об ожидании. Ей нужны были объяснения.

– *Своего отца я не видел более пяти сотен лет. Я даже не знаю, жив ли он. Хальд – мой приемный отец, – Бен задумался, пытаясь оценить возможности Главы клана Лозари. – У него сейчас серьезные проблемы с родным сыном. Так что ему явно не до меня.*

– *А дети? У тебя же есть дети, Бен?*

– *Вообще-то нет. Сначала была война – не до них. Затем просто неудачное время. Я постоянно был в бегах, мог сорваться в любой момент. При такой жизни я ничего не мог дать детям, кроме постоянной угрозы смерти. Так что предпочитал не рисковать. А дальше, когда стал Лозари, уже как-то привык быть один.*

– *Мне кажется, что из тебя вышел бы хороший отец. Ты бы знал, что говорить ребенку, когда ему тяжело. А вот я так много не успела еще сказать... – тихо прошептала женщина, закрывая глаза. Усталость, физическая и эмоциональная, брала свое. Бен слышал, как урчит в ее животе, магия уже не способна была справляться с последствиями голода и недостатка воды.*

– *А ты верь, что тебя найдут. Быть может, еще успеешь, – мужчина наклонился, убирая с лица заснувшей женщины упавший локон. Он говорил так, хотя знал, что для поиска нужно время, а магия Ребекки почти исчезла. И все же она верила. Верила вопреки всему.*

Но разве действительно нет никакого выхода? Он же нашел источник воды, таким образом замедлив процесс обезвоживания, так неужели не сможет придумать что-то еще?

Бекки спала. Вампир достал из кармана перочинный ножик, раскрыл его. Лезвие было хорошее: прочное, заточенное – как раз подойдет для его целей.

Аккуратно сложенная рубашка оставлена в стороне, зубы мужчины сомкнулись на поверхности брючного ремня. Два взмаха ножом – и заглушенные стоны. Слишком тихие, чтобы они могли разбудить спящую.

Вырез готов был наполниться кровью, но та, задрожав на кончиках разорванных сосудов, сгустилась, протянула тонкие нити к тем каплям, что успели вытечь, и втянула их обратно. Амарантовые глаза вампира пару раз прикрылись веками и вновь сменили свой цвет на привычный карий.

Что ж, любое желание имеет право быть выполненным, а вера никому еще бесплатно не давалась.

Если рядом нет спасителя, способного послать манну небесную, если магия бессильна, то, видимо, приходится вступать в дело тем, кого причисляют к темным, называют вампирами и носферату. Они, лишённые предрассудков, способны найти выход там, где его, казалось бы, нет.

Но, глядя, как Ребекка с наслаждением поедает маленький кусочек прожаренного над лавовой воронкой мяса, Бен понимал, что иногда даже такие темные создания, как вампиры, не могут быть всемогущими.

Мужчина скользнул взглядом по рукаву своей уже давно несвежей рубашки, проверяя, не видна ли сквозь ткань страшная рана, нанесенная перочинным ножиком...

Бен давно избавился от рубашки, да и повязка с руки уже сползла, но он не мог найти силы поправить ее.

– Ребекка, Ребекка, – он пытается говорить, но губы трескаются, а горячий воздух обжигает. – Правильная до боли в зубах и верная до истерического смеха. Ты, как и многие смертные, готова поверить в любую сказку, если эта сказка выгодна тебе. Холм, рождающий жизнь... Я мог придумать и что-то пооригинальнее, но ты проглотила и этот бред. Ты не получила крови, значит, не станешь дарком. Но ты вкусила плоть сына тьмы. Жаль, я не увижу кем ты станешь...

Губы вампира растягиваются в ухмылке, в глазах вспыхивает огонь безумия. Мысленный диалог прерывается, а тишину разбивают крики мужчины:

– Вернись, шлюха! Вернись! Дай мне кровь. Я хочу видеть, как бьется твое сердце в моих руках. Дай мне это! Вернись! Дай исполниться моему желанью...

Слова тонут в приступе кашля, выплевывающего из легких отмершие куски, речь продолжается стоном. Мужчина пытается подняться, но падает обратно. Мокрый лоб касается чуть подрагивающих коленей, а изуродованные руки сжимают голову, разрывающуюся от боли.

– Прекрати! Прекрати! Хватит!!!

Злость сходит с лица, будто кто-то просто стер ее ластиком. Остается лишь обреченность. Мужчина обхватывает себя руками, и с губ срываются приглушенные стоны: от прикосновения к плечу кажется, что в ране разожгли огонь.

Рельеф руки нарушен. Волнами на месте раны образовались мышечные волокна. Где-то они успели покрыться кожей, но эти участки настолько малы, что под слоем зеленых выделений, выступающих из-под сине-бордовой плоти, даже незаметны. Боль пульсирует, распространяется от руки к мозгам и давит, давит, давит...

Регенерация не справляется, руна не работает и организм ощущает на себе действие интоксикации, от которой нет спасения.

Свободной рукой Бен нашупывает нож и втыкает острие в самый центр раны. Прежнюю боль перекрывает новая, более понятная и более терпимая. По крайней мере так кажется воспаленному мозгу. В этой новой боли он чувствует успокоение – мимолетное, но столь желанное. И чтобы вернуть это блаженное состояние, он вновь и вновь втыкает в плечо нож, пока рука, держащая оружие, не слабеет, а сам он не валится безвольным комком на платформу. Боль на время уходит, позволив отключенному сознанию немного отдохнуть.

Но отдых не длится долго.

– Августа!

Имя, сорвавшееся с губ, заставляет проснуться. Оно звучит в голове, сжигает нейроны. Мысли удерживаются с трудом, картины мелькают, время смешивается, эпохи перетасовываются. Кровавой пленкой покрываются глаза.

И лишь имена вытаскивают сознание. Оно оживляет их – и это причиняет боль. Это имена тех, кого он помнил и кого забыл. Их голоса сливаются в один гул, который хочется заглушить. Он звучит в голове, заставляет вибрировать опустошенные вены. Но когда кажется, что от этого лопнет мозг, – все вдруг исчезает.

В рот льется жидкость, густая и безвкусная. Она пробегает по пищеводу, всасывается в клетки, наполняет сосуды – мнимая свобода от проклятия кристалла.

– Матушка.

Кровавая пленка на глазах не позволяет их раскрыть. Слипшиеся ресницы не дают увидеть то, что окружает вампира.

Тьма подступила так близко, что кажется: если он пошевелится, то окажется в ее объятиях.

– Мне недолго осталось.

Мужчина пытается смеяться, но смех вновь переходит в кашель, а затем в хрипы. Проглоченная кровь отвергается организмом. Сосуды вновь истончаются, и лишь в артериях продолжают пульсировать остатки драгоценной субстанции.

– Кажется, я прогрыз себе вену. Не могу остановить кровь...

Трясущимися руками он надавливает на вену на руке, чтобы сохранить драгоценную жидкость.

Бен еще не видит, что время на исходе и конец уже предрешен. Остается лишь выбрать: попасть во тьму, будучи в сознании, или позволить ей завладеть застывшим обескровленным телом.

– Августа! Августа!

Губы шепчут имя, но звуков уже нет.

– Матушка! Матушка! Мне страшно!

Он нащупывает кинжал, оставленный Ребеккой. Заточенное лезвие обрезает пальцы, пока он ослабевшей рукой берет оружие. Он знает: клинок жаждет встречи с его сердцем. Вампир сопротивляется, но сил уже нет.

– Матушка, прости!..

Часть II

Глава 1. В ожидании Кроны

С чего же началась эта история? С того, как на карте мира появились карантинные зоны, в которых опасно было находиться: болезнь, названная тромбоцепией, косила всех и не давала шанса на выздоровление ни магам, ни людям, ни вампирам? А быть может, все началось с появления на улицах проповедников, предсказывающих конец света? Многие верили им, тем более астрономы обещали, что летом 2017 года к Заолуну приблизится Темная Планета Крона. Она появлялась в нашем мире неожиданно неизвестно откуда и неизвестно куда исчезала. В прошлый раз ее появлению предшествовала пятидесятилетняя война. Теперь же пророки говорили о приходе демона Кхорта, который уничтожит Заолун.

Но может были и другие события, которые раскрутили воронку, смешали в ней судьбы, уничтожили надежду на спасение и приблизили мир к объятиям тьмы, посланной демоном?

Май 2016 года

Государство Аэролин, окраины Бердикта

Заброшенный склад на краю города в ту ночь преобразился.

Черные тени стекались к железным дверям, где застыли грозные фигуры охранников, от которых на расстояние веяло темной силой, поэтому желающих попасть внутрь без специальных приглашений не было ни среди вампиров, ни среди магов.

В огромном зале царил полумрак. Редкие факелы освещали столы на втором ярусе, предназначенном для почетных гостей. Тем, кто не вошел в их число, предстояло занять нижний этаж, где не было предусмотрено ни столов, ни кресел. Но все эти неудобства окупались близостью к арене, похожей на большую клетку в центре зала. Фигурные прутья искрились, напоминая о токе, пущенном через них.

Зрители собирались, чтобы посмотреть на подпольные бои, где бойцы сражались за приз, главный из которых – жизнь. Маги, вампиры, люди – кто-то пытался заработать, кто-то был пойман и сейчас боролся за свободу.

Прозрачное поле вокруг арены не позволяло магии участников выйти за пределы ринга. Если всплеск силы был мощным, поле дрожало, словно масляная пленка на поверхности воды.

Четыре столба поддерживали толстую каменную основу этого импровизированного ринга с ямами по периметру, в которые иногда проваливались бойцы, чтобы в подвальном помещении встретиться с заточенными кольями. И тогда десятки камер проецировали на большой экран на потолке всю красоту этой кровавой расправы.

– Мне надо с тобой поговорить.

За столом их было четверо. Трое мужчин: один давно отметил свое тысячелетие, другой перешагнул шестое столетие, а третий на днях отпраздновал двадцать пять лет. Четвертой была женщина. Затянутые в перчатки руки сжимали бокал с рубиновым вином, очерченные подводкой глаза неотрывно следили за событиями, происходящими на арене. Ее спутник отвечал на вопросы, указывая иногда на других свидетелей кровавых действий. Однако на фоне этих разговоров и общего шума в зале он уловил мысленный вопрос, направленный на него старшим сыном.

– Что-то случилось?

Сенсусит раздробил сознание. Это позволяло ему поддерживать беседу с дамой и вести беззвучный разговор с Бенджамином.

– Нет. И надеюсь, что не случится. Я отправляюсь в Селенум в составе команды одной магички. Карен Уолш. Стерва та еще, поэтому хотел бы обезопасить себя от разных сюрпризов.

Селенум был зоной карантина. Этот небольшой городок находился в Латуме – восточном государстве Большой земли. Вирус возник именно в этой стране, и теперь она была закрыта для посещения. И все же команду ученых туда обещали впустить. Заслуга в этом принадлежала Карен – племяннице Нейтана Уолша. Этот архимаг был членом Магистрата и руководителем медицинского центра «Красный Крест». Видимо, дамочка решила отделиться от семьи и заявить о себе как о самостоятельном ученом. Ей нужно было имя, Лоуренсу – заказ на изготовление лекарства. Правда, чтобы получить последнее, сначала надо было лекарство создать. Работающие над этим вопросом ученые терпели неудачу за неудачей, и все же Бен считал, что им удастся в этом опередить остальных. Вот только не доверял он своей будущей коллеге, которая вполне могла впрыснуть ему какой-то мутировавший вирус и оставить гнить в этой стране. Поэтому и нужна была помощь отца.

– Хорошо, поговорим после боев, – ответил Хальд Лозари, вновь все свое внимание посвящая спутнице.

Но поговорить им не удалось.

Сражения с участием профессиональных бойцов уже закончились, и приближалось главное событие вечера.

Жадные до крови вампиры скучали по охоте, в которой не только кровь жертвы становилась призом, но и ощущение ее страха. Носферату хотели видеть, как смертные сражаются за жизнь. Короткая битва – минуты для данного шоу и мимолетные эпизоды в жизни вампиров – всегда привлекала этих хищников. Их жизни исчислялись тысячелетиями и никто из них еще не умер своей смертью.

Жертв отлавливали на улице: бомжи, приезжие музыканты, но иногда среди них оказывались и просто случайные прохожие – с ними, словно кошка с мышкой, будут играть бойцы, давая надежду на жизнь, имитируя борьбу, чтобы в конце концов все эти несчастные умерли либо на электрической решетке, либо на кольях ямы.

Первая кровь уже пролилась. Шоу с участием мага воздуха, который заставлял тело смертного крутиться, словно булава, закончилось тем, что человек исчез в яме. А дальше на большом экране под крики толпы продемонстрировали, как его тело проткнули колья.

– Кхорт! – прошипел сквозь зубы Дэвиан – младший сын Хальда, прошедший обращение не так давно. – Бен, что мы здесь делаем?

Данный вопрос был обращен к брату, который хоть и не отвернулся от кровавого зрелища, но сидел с отсутствующим выражением лица.

– Лично я наблюдаю за тем, как моя химия действует на бойцов. Кажется, их искусственно созданная мышечная масса выглядит очень натурально. Ты как думаешь? – Лоуренс растянулся на стуле и поставил локоть на спинку кресла брата. – Ну а ты... приобщаешься к бизнесу отца. Тоже полезное занятие.

На самом деле Бен так не думал. Он вообще считал, что Дэвиану, которого отец обратил кровью анисита, не место в этом зале. Не готов был мальчик. Он еще со своей вампирской сущью не смирился, а тут такие потрясения. Тем более у парня были проблемы с контролем сознания при использовании руны Перевоплощения.

Бен осторожно наблюдал за сводным братом.

Дэвиан следил за ареной сквозь длинную мелированную цветом карамели челку, упавшую на глаза. Темно-русые волосы на затылке были всклокочены. Коротко стриженные ногти барабанили по краю стола. На щеках – легкая щетина, под которой ходили желваки. Губы – сжаты, но в серо-зеленых глазах, так похожих на глаза Хальда, горел огонь. Что бы Дэвиан ни

говорил, как бы ни сдерживал истинные чувства, но бой с его еле уловимым запахом ярости и страха, крови и смерти юному Лозари нравился. И Бена это настораживало.

Крики волной прошли по толпе, приветствующей новых участников. На этот раз маг земли – крепкий мужчина ростом под два метра – должен был разыграть партию с хрупкой девушкой, чьи белокурые волосы были собраны в неаккуратный хвост. В отличие от своего предшественника, она не сопротивлялась и даже не удивлялась, как будто то, что она находится в обществе Иных, ее нисколько не смущало.

– Эж?

Восклицание сына заставило Хальда отвлечься от спутницы и посмотреть на арену.

– Ты ее знаешь?

Нельзя сказать, что Лозари сильно вмешивался в личную жизнь парня. До восемнадцати лет тот вообще не знал о том, кем является его биологический родитель. Человеческая семья воспитывала Дэвиана в строгости, поэтому, обретя отца и получив некую свободу, он с головой окунулся в развлечения. Хальд этому не противился, а, наоборот, всячески поддерживал сына, зная, что ему в скором времени предстоит. Процесс обращения проходил тяжело. Лозари предпочел дать сыну не свою кровь – кровь обращенного, а кровь чистокровного вампира, тем самым связав сыновей: одного – приемного, другого – родного.

Кровь анисита давала свою силу, превосходящую силу других вампиров. Хальд это знал и не устоял перед соблазном повысить мощь клана. Так Бенджамин стал создателем для Дэвиана, хотя официально эта роль закреплена за Лозари. И Лоуренс знал, что эта девушка не просто знакомая брата.

Дэвиан и Эж познакомились несколько лет назад, когда брат зашел за Беном в университет, где тот читал курс лекций по медицине. Девушка уже имела диплом медицинской сестры, работала в государственной клинике, но решила перейти на новую ступень. Отношения Эжени и Дэвиана продолжились и тогда, когда младший Лозари стал вампиром, и Бен допускал, что студентка Бланш была в курсе изнанки мира.

– Это моя девушка.

Слова Дэвиана потонули в криках. Распорядитель произнес речь, приветствуя бойцов. Он шутил в адрес девушки и даже предлагал ей высказать последнее желание, но Эжени лишь покрыла почтенную публику отборной бранью темных кварталов. Не успел распорядитель объявить начало раунда, как по рядам пронесся уверенный голос.

– Предлагаю обмен. Я сражусь вместо нее.

В зале воцарилась тишина. Сотни голов обернулись в сторону ложи. Особое освещение не давало рассмотреть говорящего, но шепот лавиной пробежался по головам. Образованный в вип-ложах, он нес информацию другим зрителям шоу: молодой сын Лозари – одного из организаторов боев – решил на обмен.

– Что ты делаешь, идиот? – процедил сквозь зубы Лоуренс. Он надеялся, что Хальд исправит ситуацию, воспользовавшись правом отмены боя. Но Лозари решил иначе: на кону стояла честь клана.

– Милая, – мужчина склонился к руке дамы, оставляя на ней поцелуй, – прошу прощения, мы вас на несколько минут оставим, чтобы подготовить моего оболтуса к бою.

Вампиры поднялись. Женщина проводила их взглядом и дала знак официанту наполнить бокал.

Мужчины спускались через отсек с раздевалками для бойцов.

Отправить Дэвиана на арену, по мнению Бена, было верхом безумия. Лоуренс не был уверен в том, что парень готов к схватке с магом. Хотя на тренировке перевертыш показывал заметные успехи по части быстрого обращения и реакции на опасности, но для схватки надо было как минимум знать слабые и сильные стороны противника. А какие имеются слабые сто-

роны у того, кто может заковать себя в броню, которая не по зубам зверю; кто изменяет ландшафт и поднимает в воздух тяжелые плиты?

– Я видел, у тебя оставались усилители, – это первое, что произнес Хальд, когда вампиры оставили позади раздевалки.

– Даже не думай.

– Бен, дай препарат.

Использовать химию, чтобы нарастить вампирам мышечную массу для боев, – не запрещено. Использовать психотропные средства, чтобы настроить бойцов на нужный лад, – не запрещено. Не важно, какую подготовку прошли участники боев, главное, чтобы сражение было зрелищным. Усилитель – еще одна разработка корпорации GalakxyKline, принадлежащей Лоуренсу. Это уникальное средство позволяло увеличить рунную энергию и на некоторое время получить мощь, доступную более старшим братьям. Так владелец руны Круоры, способный из крови создавать лишь легкую защиту, которая рушится от любого удара, с помощью усилителя обретал броню, выдерживающую целенаправленный удар тяжелого оружия. Арборисит, способный становиться незаметным в тени лишь в неподвижном состоянии, превращался в полностью невидимое существо. Обладатель руны Перевоплощения с помощью препарата становился агрессивным, могучим соперником, способным контролировать свое сознание даже в зверином облики.

Но за все надо платить. Сила – это наркотик. Не каждый взрослый вампир способен после такой вспышки вновь вернуться к исходным параметрам, ощущая свою беспомощность перед старшими сородичами. Сложнее всего с этим бороться молодым. Вкусившие кровь, познавшие возможности вампира, ощутившие их границы, они не желают достигать вершин постепенно, преодолевать пороги силы год за годом. Им хочется всего и сразу. И, как наркоманы, они готовы вновь и вновь колоть себе усилители, пока препарат полностью не поглотит их, лишив индивидуальности и сделав опасными для общества.

Данное средство было запрещено. Его использовали лишь для боев на тех участниках, которые могли противостоять психологической зависимости.

Но Дэвиан только вступил на путь вампира. Спокойный мальчик, взвешивающий каждое свое решение и обдумывающий каждое действие, столкнулся с другой частью себя: агрессивной, жаждущей, нетерпимой.

– Хальд, он не справится.

Мужчины обогнули последний поворот коридора. Дэвиан шел впереди и первым оказался в подготовительной комнате. Его мало волновало то, о чем переговаривались Бен и отец. Он прекрасно осознавал, на что подписался. Вот только его это мало беспокоило – юношеский максимализм в его классическом проявлении: либо все – либо ничего. Нет промежуточного состояния. Есть только возбуждающая опасность и желание вновь выпустить на волю свою звериную сущность, которая так долго спала.

В отличие от сына Хальд не разделял подобного оптимизма. Но для него важным была победа отпрыска. Это должна быть победа, демонстрирующая силу клана.

– Бен.

Лоуренс знал эти интонации, тянущие и напевные. И знал, что бывало после них. За двести с лишним лет сотрудничества с Хальдом он не раз видел подобное. Что ж, теперь настала пора самому испытать...

– Бееен. Не стоит мне отказывать.

Лозари обнял его одной рукой. Отец был выше сына на голову и во много раз старше.

И все-таки анисит сопротивлялся, выкидывая сенсусита из своей головы, сдерживая руной собственные руки, чтобы те не лезли в карман, где лежали ампулы со средством.

– Отец, я... – фраза замерла на языке Дэвиана, повернувшегося в сторону Лозари. Ему еще не приходилось видеть силу родителя. Но сейчас он стал свидетелем влияния сенсусита

на сознание, которое борется. Его брат почти висел на руке Хальда. Плечи – поникли, руки безвольно болтались. Сжатые до тонкой полоски глаза, стиснутые до хруста зубы, капли пота, проступившие на лице, и тонкая струйка крови, льющаяся из носа, – ничего не укрылось от Дэвиана.

Соппротивление Бена было сломано – слишком большая разница в возрасте была у вампиров: он не смог противостоять ментальной атаке.

Он потерял контроль над руной и над телом. Все слилось, все утратило смысл, кроме боли, разрывающей голову, которая больше напоминала перезрелую тыкву, способную лопнуть от легкого прикосновения.

Кто он и что делает – было уже не важно. Он – никто. Просто переполненный сосуд, забывший, как дышать. Если бы Хальд отпустил – просто бы упал. Но его держали, и вампир не мог сопротивляться ни физически, ни ментально.

Хальд отогнул пиджак старшего сына и достал из внутреннего кармана упаковку, в которой осталось две капсулы. Он вынул одну, а остальное вернул назад. Хлопнул сына по плечу и снял контроль над ним.

Глубоким вдохом вернулся Бен в реальность. Перед глазами все плыло. Он успел схватиться за стенку, задерживая собственное падение. Дыхание нормализовалось, и лишь увлажненный лоб да полоска крови под носом напоминали о том, что здесь произошло.

– Вам уже пора, – в помещении стоял распорядитель – невольный свидетель конфликта между Лозари.

– Уже идем, – Хальд приблизился к Дэвиану. Лозари не нужны были слова, чтобы напутствовать сына на бой. Игла проткнула шею, янтарная жидкость препарата смешалась с кровью парня. Дэвиан повел плечами, чувствуя, как сила наполняет его, как руна отзывается на малейший мысленный приказ – и вот уже тело готово к трансформации, а он – к сражению.

Эжени к этому моменту уже сняли с арены и поместили в первые ряды зрителей, чтобы она видела, как молодой вампир борется за ее жизнь.

– Приведи себя в порядок и возвращайся, – бросил Хальд Бену перед тем, как покинуть комнату. Лозари поднимался вверх, чтобы из вип-ложи наблюдать за битвой сына.

Бен не торопился. Ему предстояло оттереть кровь от рубашки и решить, что же произошло. Два с половиной века – приличный срок. Ему приходилось спорить с отцом, но ни разу тот не использовал агрессивные способности руны на своем приемном сыне. С другой стороны, никогда между ними не стояла жизнь родного ребенка Хальда, которому предстояло стать будущим Главой клана и наследником целой империи.

15 сентября 2016 года

Материк Гиббетер. Горы Дарфана

Высокие каменные своды подземного зала тонули во мраке. Иногда тени выползали из своих укрытий, чтобы занять новое место. И тогда дрожащие островки света, созданные горящими внизу факелами, отступали, лизнув напоследок трещины колонн.

Каждая колонна была уникальна в этом переплетении следов времени. Когда внизу ярким всполохом сильнее разгоралось пламя, то свет, скользящий по серым стенам, выхватывал не просто мелкую сеть каменных морщин. Это были знаки. Пересечение линий, окружностей, многоугольников, фразы из забытых языков охватывали весь свод. Кривые границы расписанных площадей свисали вниз, будто надписи, отвоевавшие себе участок гранитного неба, пытались захватить и монолитный пол из отполированного камня.

Центр помещения был окружен сеткой ливневых систем. Вода, стекающая по колоннам, уходила вниз, в сложную канализационную систему, обустроенную внутри гор.

Витиеватые узоры переплетались и на полу. Иногда они вспыхивали – и тогда помещение озарялось светом. Иногда мерцали алым – и тогда из темных уголков зала тянулись к центру тени. А иногда начинали петь камни. Глухой звук поднимался к своду, и этот гул был слышен даже в дальних уголках подземного мира.

Но сегодня ни один звук не вырвался из ритуальной комнаты. Капель стекающей по своду воды аккомпанировала шепоту, который тонул в треске пламени темных свечей, расставленных вокруг расположившихся в центре фигур. Одна из них была обнажена.

Мужчина сидел на полу, скрестив перед собой ноги. Его руки лежали на коленях ладонями кверху и опоясывались голубым светом, идущим от кольца. Этот перстень на среднем пальце был выполнен в форме головы ворона с камнями вместо глаз. Он горел так, что вполне мог осветить в подземелье дорогу.

Седые прямые волосы мужчины закрывали лицо. Его глаза были закрыты, а губы сжаты в тонкую линию. Ровное и глубокое дыхание поднимало грудь, на которой не было ни одного свободного участка, не разукрашенного татуировкой. Эти символы оплетали плечи, руки и заканчивались лишь у запястья. Таинственные знаки сползали по телу вниз, опоясывали бедра, и спускались по ногам.

Кожа мужчины, и без того имеющая серо-зеленый оттенок, в отблеске свечей казалась мертвенно-бледной – будто неопытный гример перепутал краски и переборщил с пудрой.

Когда с губ обнаженного срывались слова, когда слова складывались во фразы, фразы – в предложения, а предложения – в заклинание, вспыхивал и таял один из рисунков на теле. Подстраиваясь под этот процесс колдовства, дрожали свечи, стонала земля и тянулись к фигуре тени, влекомые его силой. Они свивались, словно змеи, в клубки, ласкали его стопы, исчезающие в этом черном переплетении. На ладони плясала кровь, закручиваясь в замысловатом танце алых пятен, с пальцев на колени стекали искры. Но когда пространство помещения разбила молния, скольжение теней и кружение крови – все оборвалось стоном обнаженного мужчины.

Девушка, стоящая позади зеленокожего, вздрогнула – и зашуршала ткань ее темной рясы. Широкий капюшон, прикрывающий голову, сполз, открывая несколько прядей рыжих волос. Пальцы вцепились в черный плащ, переброшенный через руку.

– Мне кажется, что стоит остановиться, господин, – к обнаженному обратился маг, облаченный в темную рясу с широкими рукавами. Он сидел в кругу свечей, напротив зеленокожего. Ладонь молодого послушника коснулась татуировки, а губы зашептали слова. И тогда стон мужчины оборвался, дыхание стало выравниваться.

Легкими штрихами, пока еле заметными, на зеленой коже наметились очертания прежней татуировки. И заиграли иные знаки, наполняясь энергией, ожили соединения линий, будто по ним побежал ток, пока еще бледно-розовый, но обретающий более насыщенный цвет после каждого цикла.

– Нет, подожди. Еще немного.

И вновь татуировка начала таять, а с ней иссякали энергетические нити, танцующие по коже. Свет свечи отразился в вертикальных зрачках обнаженного мужчины. В глазах засияли цветные всполохи серого, красного, голубого, оранжевого, зеленого.

Некоторое время ничто не нарушало тишины, лишь воздух запахом озоном и несколько молний беззвучно поглотились каменным сводом. Но резкий выдох оповестил: что-то вновь идет не так. Блеск свечей заставил отступить тени, и показалось, что кожа мужчины натянута. Его татуировки, словно веревки, держали рвущийся наружу синий энергетический поток. В помещении стало холодно, и вошедший спрятал в длинном плаще руки. Он успел сделать несколько шагов в центр залы, когда путь ему перегородила девушка. Он знал, что перед ним – вампир-перевертыш, послушная тень господина, молчаливая и кровожадная. Чтобы не искушать ее, послушник опустил руки, демонстрируя, что в них ничего нет.

– Что случилось? – не оборачиваясь, спросил обнаженный мужчина. Его глухой голос не отражался от стен. Он звучал в голове пришедшего.

– Члены конвента просят вас спуститься в склеп, господин, – послал мысленный ответ послушник.

– Закончим на сегодня, Теодор, – в этом голосе, отраженном от камня, слышалась усталость. Мужчина провел по губам языком, слизывая капли пота, собравшиеся там.

И вновь зазвучали заклинания, вновь бледно-розовая татуировка заалела и послала энергетические нити по всему телу. Но вскоре синий отсвет, идущий из-под кожи, погас. А вместе с ним перестало отбрасывать свет кольцо.

– Сегодня удалось продержаться дольше, мой господин.

Обнаженный мужчина повернулся к другим послушникам, не стесняясь своей наготы. Девушка поспешила помочь ему облачиться в плащ и протянула перстень с голубым гранатом в тонкой огранке. Как только кольцо оказалось на пальце мужчины, тот преобразился: светлые волосы потемнели, тонкая сеть морщин на лице исчезла. От бывшей серо-зеленой кожи не осталось и следа. Тонкие вертикальные зрачки расширились, приобретая привычный вид. И лишь под плащом все также остались татуировки, которые магический перстень не смог скрыть.

Двое мужчин прошли подземными коридорами, оставляя позади темные проходы. Преодолели крутые подъемы, спустились по ступеням, казавшимися бесконечными. Разветвления путей, различные ловушки – все осталось позади. Они легко нашли нужный туннель и обошли преграды, которые непосвященным могли стоить жизни.

Каменная плита отъехала в сторону, обнажая залитый светом отсек. Поклонившись и поцеловав голову ворона на перстне господина, послушник вернулся в каменные пещеры.

Сам же господин вступил в длинный светлый коридор. Здесь не было окон, однако явно ощущалось влияние времени. Яркие лампы освещали белые стены, металлические двери закрывали проемы многочисленных комнат. В одну из них и вступил мужчина.

Прозрачный экран делил комнату на две части. В одной на белоснежных подставках лежали стеклянные гробы. Шесть штук, из них один – пуст. В четырех находились мужчины. Множество проводков тянулось к приборам, установленным у изголовья каждого гроба. По тонкой трубке к телам с интервалом в пять минут поступал маленький красный шарик питательного вещества. И когда он впрыскивался в вену лежащим, приборы фиксировали удар сердца, слабый и еле уловимый.

– Господин! – стоящий перед экраном мужчина в белом халате склонился в почтительном поклоне и поцеловал перстень.

– Ты ведь не зря меня вызвал?

– Нет, конечно, – перед пришедшим открыли дверь с левой стороны экрана, и он вступил в отсек с гробами. – Посмотрите, господин. Они просыпаются.

Пять тел лежало в гробах. Казалось, века не изменили истинных детей кровожадного бога Кхорта. Сангуисы...

Анисиос – безумный ученый, старший из братьев. Он застыл с усмешкой на губах, с удлиненными клыками, со сжатыми на груди руками, на которых до сих пор были острые звериные когти – перевертыш не успел принять свой обычный вид, когда проклятие пало на него.

Эвгениус – на утонченном аристократическом лице застыло выражение удивления. Бессмертные сангуисы, которые жили столько, сколько существует Заолун, не ожидали, что однажды вынуждены будут находиться в бездействии столько веков. И все же руны пытались помешать такому обращению: в некоторых местах одежда вампира была вспорота окостеневшими кровяными отростками, делающими его похожим на ежа.

Виллем – светловолосый мальчишка, который своим видом в былые времена обманул многих. Опасный сенсусит с лицом ребенка наводил ужас на многих носферату, предпочитающих жить по закону крови.

Очаровательная Астерия – старшая из сестер и единственная, кто остался из женщин, созданных Кхортом. Ее сестра Селена исчезла во время войны Королевств: в шестнадцатом веке оборвалась ее жизнь, и теперь она была со своим отцом в чертогах Тресона.

Мужчина проходил мимо гроба Астерии, когда часы отсчитали положенное время и в вены сангуисы была впрыснута капля крови. Глубокий вдох, донесшийся из саркофага, привлек внимание мужчины. Он склонился над телом. Кольцо уловило слабое воздействие магии – и каменные глаза ворона вспыхнули. Укрытое простыней тело сангуисы сделало еще один вдох, но затем вновь замерло, демонстрируя полную апатию к окружению нулевыми показаниями датчиков.

В последнюю очередь мужчина подошел к саркофагу с Никосом. В отличие от своих братьев этот сангуис не был похож на каменную статую. Никос был вигофагом и жил за счет чужой силы. Руна Поглощения не оставила его и тогда, когда проклятие Кхорта пало на сангуисов, и продолжала снабжать энергией. Казалось, что древний вампир просто спал. Вот только сон его длился более четырех с половиной веков.

В глубоком поклоне застыл мужчина в плаще над телом.

– Значит, началось.

– Да, господин Морохир. Астрономы говорят, что скоро Крона будет здесь. Ориентировочно – к концу лета следующего года.

– Времени мало, – задумчиво проговорил мужчина. – Трагедии уже начались. И если Кхорт решит призвать всех чистокровных, значит, нам пора действовать. Ошибки прошлого не должны повториться. Я обещаю это тебе, отец!

И отец услышал. На короткое время распахнулись черные глаза Никоса, сжатые губы чуть приоткрылись, демонстрируя вытянувшиеся клыки. Но веки задрожали – и сангуис вновь погрузился в сон. Датчики, отсчитывающие удары сердца, свидетельствовали о том, что этот сон не был магическим.

21 сентября 2016 года

Государство Латум. Город Селенум

Четыре месяца в окружении смертей. Длинные коридоры, запечатанные палаты, в которые войти можно лишь в закрытых костюмах. Процедура дезинфекции, которую проводят чаще, чем ты ходишь в туалет. И постоянные звонки от обеспокоенных родственников, которые, не имея возможности помочь любимым, хотят быть с ними, когда те умрут. К сожалению, тем, кто поймал вирус тромбоцепии, не суждено было увидеть родных. С момента заражения у них оставалось лишь пять дней, в течение которых разрушались кровеносные сосуды. Кровь вытекала из тела: сначала скапливалась под кожей, но затем прорывала и ее. Теурги с первых же недель развития болезни определили ее магическую сущность. Однако нейтрализовать вирус не удавалось.

Маги жизни проводили у кроватей больных часы, но в результате лишь дарили им дополнительный день. Магия пожиралась, а разрушения организма продолжались. Перед этой болезнью не могли устоять ни теурги, ни даже вампиры. И хотя смерть у Иных наступала на десятый день после заражения, статистика от этого не выглядела более позитивной. У каждой расы анамнез отличался, но итог был один.

Команда Карен Уолш и научная бригада Лоуренса вступили в эту борьбу, когда очаги заражения тромбоцепией стали появляться и в других государствах. Экспедиция направилась в Селенум как место, где впервые были обнаружены признаки этого заболевания.

Четыре месяца напряженной работы все-таки дали результат. И сейчас Бен мог вздохнуть свободно: лекарство получило одобрение, все бюрократические формальности улажены и корпорация Лоуренса GalakxyKline заключила контракт на изготовление данного средства.

Бен до последнего ждал, что Карен устроит какую-то каверзу, ведь в финансовом плане ее организация ничего не получала. Только имя. Что ж, возможно для начала карьеры и это было немало. И все же ученому приходилось быть начеку, чтобы – не дай Кхорт – ему случайно или голову не отрубили, или вирус не вкололи. Правда, это не мешало Лоуренсу периодически спать с Карен, нарушая собственные правила. Но трудно удержаться от соблазна и не переходить из деловой сферы в личную, когда дама столь настойчива. Так что ученый поддался, благосклонно разрешив мисс Уолш залезть в свою кровать, но при этом старался никогда к этой даме спиной не поворачиваться, чтобы лишний раз не искушать мага.

Хотя многие считали, что Бен все время посвящал работе, иногда он покидал научный центр.

Селенум – город, находящийся в кольце горно-лесной полосы. Эти леса – уникальны по своей природе и восхитительны по красоте. Легенда гласила, что озеро Сели, возникшее в горах, – слезы бога, который увидел, как ссорятся его сыновья – Тамаэн и Кхорт во время создания Заолуна. Но так как ссора была длительной, то и слезы лились ручьем. Они впитывались в почву, давая жизнь широколистным деревьям, под чьей кроной стали скрываться животные. И когда сыновья увидели красоту этих мест, они оставили сражение.

Бред, конечно. Потому что все, что истинно в истории, – это красота лесов.

Вьющиеся вечнозеленые тало, покрывающие почву, окутывали основания белои – длинностовольных исполинов с широкой шапкой листы на самой верхушке. Белоснежная крона дуэти склонялась к своим подружкам, образуя арку. Эти деревья, которые цвели по весне розовыми цветами с пестиками в виде иглы, называли свадебными.

Первый раз, когда Бен оказался в лесу, он набрел на целую поляну сабадиллы – растения, из семян которого делают вератрин – яд для вампиров. Считается, что эта трава не пахнет, но рецепторы вампиров улавливают ее горько-жгучий аромат. Хотя тогда ученый с трудом покинул это место, он был рад. Во всех остальных местах сабадиллу старались уничтожить его соплеменники. А здесь, буквально в нескольких минутах езды от центра города, такая находка!

Круорец по руне и анисит по рождению, Бен любил леса. Они позволяли ему примириться с самим собой и найти ответы на многие вопросы. Именно здесь, на побережье реки, впадающей в озеро Сели, возникла идея, каким образом бороться с вирусом двадцать первого века.

В течение четырех месяцев Бен взял в привычку как минимум один раз в неделю оставлять машину на трассе и вступать на эти земли. Он отклонялся от протоптанных дорожек, сторонился туристических маршрутов. Он шел, прислушиваясь к звукам, ощущая сладковатый аромат леса и отмечая, как с течением времени его сладость приобретала горечь, как аромат цветов сменялся ароматом травы и земли.

Вот и сегодня он оставил Карен утрясать вопросы предстоящей конференции, а сам взял машину и приехал сюда. Полуторачасовая прогулка по лесу – и он на своем любимом месте.

Деревья расступились – и перед вампиром открылась горная речная долина. По обе стороны от искрящейся голубой ленты возвышались каменные склоны – настолько крутые, что взбираться по ним рискнет лишь самоубийца. На них не росли ни деревья, ни трава, ни даже мох – один голый камень, сверкающий слюдой. Перед ним оказался бессилён лес: он отступил от склона, обнажив часть берега.

Стоило Бену выйти из-за деревьев, как на него обрушился рев водопада, к которому бежала река, чтобы упасть в объятия большого горного озера. Шум воды оглушал, и приходилось прикладывать усилия, чтобы отсеять этот звук и услышать что-то иное: как шелестят деревья, оставленные за спиной, как под ногами приминается трава, издавая легкое поскри-

пывание. Но трава оказалась бессильна против этого камня. Зеленое покрывало истончалось, появлялись проплешины. И все же трава не сдавалась. Она отстаивала право на жизнь в тени каменных валунов, в мелких трещинах берега.

И ученому нравилось это. Он выбрал место, свободное от зелени, скинул рюкзак, достал оттуда бутылку воды и сделал глоток. Вскоре бутылка оказалась сверху рюкзака, туда же опра-вилась кофта, носки. Обувь аккуратно поставлена рядом.

Спортивного кроя штаны и борцовка – вот все, что осталось на нем. Голые ноги коснулись камня.

Вампир двинулся в сторону склона, но на полпути остановился и прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться и отсеять лишние звуки. Привычная какофония природы не была нарушена ничем посторонним. И все же что-то было не так.

Еле заметная красная окантовка радужки глаз свидетельствовала о том, что вампир активировал руну. Теперь он видел всех животных, скрывающихся на земле, в ветвях и в почве в радиусе шестидесяти метров. Ничего подозрительного. И все-таки что-то происходило.

Бен опустился на колени на краю склона. Холодок пробежал по спине, поднимая волосы, сердце тревожно ударилось о ребра – вампиру были знакомы эти ощущения: так всегда бывало перед боем. Но холод сменился теплом, которое текло к рукам и ногам, ласкало грудь. Сердце забилося в прежнем режиме, словно предупреждая: я готово к сражению!

А готов ли был к нему сам Бен?

Разве он не знал, что рано или поздно все так и будет? Хальд, его приемный отец, не прощал неповиновения. А значит, за отказ на подпольных боях выполнить приказ Главы клана, придется ответить. Конечно, Бен предпочел бы мгновенную смерть долгому ожиданию, встречу лицом к лицу, а не нападение из-за угла, но...

«Значит, все решится сегодня».

Ученый вдохнул полной грудью и посмотрел вдаль, где мелкие брызги водопада создавали зеркало для солнечных лучей, которые преломлялись, творя цветную дорожку над водой.

Хвала двадцать первому веку, когда нужный объект можно легко запеленговать с помощью сотовой связи. По крайней мере это намного облегчало задание, каким бы оно ни было. На этот раз все было проще простого: найти и уничтожить. Лишние вопросы здесь не задавали. Не в компетенции Жозефины было выяснять, чем тот или иной объект заслужил смерть. Есть приказ – и его надо выполнить. Хорошо хоть выполнять придется не в центре города, а там, где нет случайных свидетелей или рыцарей: что воины Тамаэна, что стражи Кхорта – от обоих ведомств можно ждать неприятностей.

Они пробирались по лесу, безмолвно следуя за Дунканом. Судя по тому, что оболочка радужки глаз вампира была окрашена еле заметным алым, он сейчас обращался к руне. Жози только недавно научилась распознавать эти моменты: если руна используется в пассивном режиме, то изменения цвета радужки у вампиров почти незаметны. Но если руна воздействует на что-то извне, то тут такая красота с глазами происходит! Не то что у магов. У них ничего не меняется, кроме насыщенности цвета живого кристалла в перстне, надетом на палец. И девушку, которая пару лет назад стала дарком, это иногда расстраивало.

Дункан остановился и знаком показал, что настала пора приступить к новому этапу.

Жози приблизилась к третьему участнику их путешествия – вампиру Барту. Тот обнял ее одной рукой, другой обхватил за плечи Дункана. Последнее, что увидела девушка: как радужка Барта полностью окрасилась в серый цвет.

Сначала закружилась голова, а перед глазами замелькали темные точки. Реальность утратила объем и цвет. Жозефина почувствовала себя зрителем какого-то некачественного фильма, нарисованного неумелым художником простым карандашом.

Она будто находилась в этом мире и в то же время ее там не было. Тело не двигалось, однако девушка чувствовала, как оно, влекомое Бартом, повторяет изгибы белои, как скользит по земляным кочкам и вновь поднимается по стволам дуэти. Боли не было, скорее создавалось ощущение, что ее качает по волнам.

Но вскоре все движения закончились.

Они застыли на краю поляны, поглощенные тенью, которую создал Барт. Спиной к ним сидел мужчина, одетый не по погоде. Хотя осень еще не вступила в свои права, ветерок в это время года в Латуме был прохладный. Поэтому все участники экспедиции были облачены в комбинезоны. На лицах – маски. Девушка считала, что это излишние меры предосторожности, но все же противиться приказу не стала.

Начало операции не было озвучено. Просто Жозефина заметила, как лес сзади них стал светлеть. Тени, нарушая все законы физики, покидали свои места и плыли к ним, образуя вокруг трио теневое озеро. А затем из него полились реки – серые нити. Они скользили по траве, по камням, бесшумно подкрадываясь к жертве.

Бен наслаждался положением. Хотя и говорят, что перед смертью не надышишься, но каждый вдох перед опасностью воспринимался иначе. Обнаруживалось сколько оттенков запахов, о которых он даже не подозревал. Но кто сказал, что Бен готов был смириться и терпеливо ждать, когда приговор отца будет исполнен?

Не думал Лоуренс, что до этого дойдет. Споры с Хальдом были и раньше, но ни один не доходил до столь яростного вмешательства в мозг. Вот только Бен не испытывал сожаления. Усилитель, который Хальд вручил сыну, подействовал именно так, как боялся ученый: молодой вампир, который и без того наслаждался силой, буквально подсел на нее. Сила владельцев руны Перевоплощения построена на ярости, и вполне естественно, что Дэвиан Лозари стал агрессивным наркоманом и ступил на дорожку преступлений. Сейчас за ним охотились все рыцари, но безрезультатно. Либо Хальд оберегал сына и не давал ему оказаться взаперти, либо Дэвиану с обращенной им девушкой действительно везло...

Бен не стал дожидаться, когда тени дотянутся до него. В руках кровавой сгусток мгновенно превратился в два маленьких кинжала. Острые лезвия проткнули камень, нарушили целостность поверхности и сбили путь теней.

Выигранные доли секунды Бен использовал, чтобы развернуться и встретить врагов, выпрыгивающих из тени. Теперь, когда та не скрывала их, он видел своих противников. У одного из них Бен почувствовал наличие скрытого магического запаса крови. Значит, это был круорец. Второй – длинный верзила, который пытался захватить ученого тенями – арборисит. Третий, низкорослый, не был вампиром. Это точно. Врач, который почти шесть веков занимался кровью живых существ, смог отличить даже на расстоянии особый состав крови противника. И Бен видел – перед ним маг, женщина.

Ученый не собирался нападать. Отбившись от тени, которая вероломно пыталась на него напасть, он встал лицом к прибывшим и опустил оружие. Он все еще надеялся, что Хальд прислал команду не ради убийства. Но атака наемника отбила все сомнения, особенно когда в руках незнакомца мелькнуло оружие...

Круорцы сошлись в танце клинков. Выждав момент, Лоуренс сделал выпад, но Дункан был готов к этому: он легко ушел из-под удара, увеличил дистанцию и выбросил из ладони дротики.

Бену следовало серьезнее отнестись к противнику: создавать из крови оружие, способное некоторое время существовать без привязки к телу, могли лишь вампиры, срок жизни которых приближался к тысячелетию.

С трудом избежав атаки, Лоуренс пропустил новый удар. В последний момент он выставил навстречу клинку созданный щит. Сталь меча ударила в него, а наемник навалился

сверху. Ученому удалось выйти из захвата. Он оттолкнул противника, пошел в атаку. Наемник вынудил Бена сделать разворот. Лоуренс приготовился к новому удару – и замер...

Дункан не зря заставлял его крутиться, неспроста отвлекал внимание. Этого времени хватило, чтобы Барт собрал на поляне достаточно теней. Они поглотили тень Бена, и тот оказался в центре темного озера.

Попытка сдвинуться ни к чему не привела. Вскоре под ногами задрожал горный склон. Несколько крупных камней, вытасненных из земной тверди, полетели в сторону Бена. Панцирями, созданными из крови, вампир защитил голову от удара. Плотные кровяные наросты выдержали, но новый крепкий щит для груди он создать не успел. Клинок, брошенный круорцем, пробил тонкую броню Бена и вошел в плоть.

– Неплохо, – прошипел Лоуренс, оскалом улыбнувшись своему врагу. Сдаваться он не собирался.

В переплетении сосудов и капилляров, которые вампир чувствовал позади себя, он нашел те, что принадлежали арбориситу. Руна активировалась, послушно выполняя приказы своего владельца. Ученый знал: если вызвать тромб и создать окклюзию сонной артерии, если продержать давление чуть более минуты, то противник потеряет сознание. А если перекрыть кровоток к рукам, то соперник не сможет удержать оружие.

Вампир воспользовался своими знаниями.

Пока Дункан пытался вернуть власть над руками, за спиной Бена упал арборисит – и тень отпустила пленника.

Ему осталось нейтрализовать мага. Но теург не стал ждать, когда легкое головокружение обернется потерей сознания. Руки низкорослика коснулись земли, и под ногами Бена закачалась еще одна плита. Стараясь остановить это землетрясение, мужчина направил в сторону противника кровяное щупальце, но низкорослик увернулся. Рунное оружие лишь коснулось его лица и разрезало маску, под которой оказалось симпатичное женское личико в окружении мелких кудряшек.

Плита взметнулась в воздух и подняла вампира на высоту более двухсот метров. Связь с магом была потеряна.

Быть может Дункан и командовал руной по наитию, но у него было достаточно времени, чтобы понять, как нейтрализовать воздействия ученого.

И вот внизу мелькнула тень. Лоуренс впервые за свою жизнь увидел уникальное явление – летающего вампира. Широкие кровяные крылья заслоняли солнце. Поток ветра, создаваемый ими, чуть не сбил Бена с платформы. И это притом, что наросты даже не повредили одежду нападавшего.

Сколько раз ученый пытался создать подобное у себя. Но его запасы крови не позволяли сделать крылья подходящего размера. Да и нужную плотность не удавалось сохранить.

Вот только наслаждаться видом ему не дали. Первый удар Лоуренс отбил, второй – зацепил плечо. Земля под ногами дрогнула, накренилась, и Бен полетел вниз. Вслед за ним устремился Дункан. Ни о каком падении речи быть не могло: Бен успевал лишь создавать защиту. Последний удар был настолько силен, что мужчина полетел в сторону – прямо туда, где крутой склон возвышался над рекой. Лишь вовремя выброшенное кровяное щупальце, воткнувшееся в противоположный склон, позволило ему спружинить и избежать столкновения с каменной глыбой. Бен повис на крутом берегу. Отдышавшись от головокружительного полета, Лоуренс стал карабкаться наверх, выбрасывая из ног острие, которое врезалось в скалу не хуже альпинистских кошек.

От противников его отделяла река – не слишком надежная преграда! Ждать, пока враги переберутся на этот берег, Бен не стал. Бросив последний взгляд на наемников, он бросился в лес.

Низкорослик сделал шаг вперед, намереваясь кинуться в погоню, но Дункан его остановил.

– Пусть бежит. Пожалуй, это единственное, что он умеет делать.

Бежать! Это была единственная мысль, которая подгоняла ученого. Лишь когда лесная полоса осталась далеко позади, Бен смог отдышаться. Мысль о том, чтобы поймать машину, выкинуть водителя и рвануть из города, из государства – куда подальше, была сразу же отвергнута. К проблемам в семье не хватало еще и проблем с законом. Да и трудно куда-то бежать без документов, в разорванной одежде и без обуви. А значит, придется возвращаться в отель. Бен надеялся, что при свидетелях наемники отца не рискнут нападать.

Добропорядочная семья, согласившаяся его подвести, оказалась удовлетворена историей про туриста, который загулял в лесу и с трудом спасся от зверя.

Лифт в гостинице опять не работал. По сути гостиница – слишком громкое название для подобного заведения, но Лоуренс выбрал это место из-за его близости к больнице, где обосновалась команда ученых, работающих с вирусом.

Первым делом мужчина принял душ. Раны уже затянулись, лишь на груди, в том месте, где треснул под натиском оружия щит, была еле заметная гематома. Но и она скоро должна исчезнуть.

Ничто Бена здесь не держало. Свои договоренности он выполнил. Нужные документы подписаны.

– Куда это ты, милый, собрался?

Бен натягивал куртку, когда его уединение было наглым образом прервано. В дверях стояла Карен – скорее всего услышала, как он входил, вот и заглянула.

– Решил смыться?

Неизвестно, что было на ее личике больше: презрения или возмущения. Тонкая линия выщипанных бровей изогнулась, силиконовые губы скривились. Зеленые глаза опасно горели.

Бен застегнул сумку, бросил ее к дверям и приблизился к даме. Взяв ее за ухоженную руку, подвел к кровати и посадил, словно галантный герой какой-то мелодрамы.

– Понимаешь, Карен. Ты же не думала, что мы всегда будем вместе? Ты – теург, я – вампир. Я старше тебя в... в общем, намного. Ты же не хочешь стать дарком, нарожать вампирчиков и лишиться силы?

Вопрос был, по сути, риторический, и если маги-женщины иногда все же становились дарками, испив кровь вампира, то лишаться силы ради рождения ребенка от носферату даже они не были готовы.

– Вот видишь, поэтому я должен ехать. Не люблю долгих расставаний, так что...

Бен не был специалистом по красивым речам, но все же надеялся, что его слова будут иметь хоть какой-то эффект. Карен же не принадлежала к числу легковверных дам – и намерение партнера смыться по-тихому, без каких-то объяснений, разгадала сразу.

– Нет, Бенджамин Лоуренс. Хочешь оставить меня с этими стервятниками одну? Фигушки. Ты изобрел лекарство – и тебе отдуваться за это на конференции. Коль начал, то доводи работу до конца.

Вампир хотел было напомнить женщине о том, что официально не он изобрел лекарство, а команда Карен, в которую он просто вошел в качестве исследователя, но решил, что все это – лишь пустая трата времени.

– Извини, милая. Ты потрясающая любовница, но мне пора.

Бен махнул рукой, подхватил сумку и выбежал в коридор, словно опасался, что придется говорить любовнице еще какую-то глупость. Но, видимо, сегодня не суждено было ему выполнить задуманное. Коридор был забит. Толпа народа текла по лестнице и перекрывала выход. Где-то в конце стоял охранник и старался все это как-то урегулировать. Но люди не уходили.

Бен попытался протиснуться сквозь толпу, но кто-то схватил его за руку.

– Мистер Лоуренс? Вы Бенджамин Лоуренс?

– Извините, – ученый вырвал руку, но освобожденную конечность уже перехватили другие.

– Меня зовут Томас Буэрон. Моя дочь... – мужчина задохнулся от избытка чувств. Плотный комок в горле мешал внятно произнести слова. На помощь пришла женщина – видимо, его жена.

– Вы спасли ее.

И эти слова стали сигналом. Десятки имен, благодарности на разных языках посыпались на ученого. Каждый норовил дотронуться до него. Они хватали его рубашку, гладили кожу, целовали свои пальцы, чтобы затем через прикосновения передать ему поцелуй. И в какой-то момент для вампира все стало неважно. Эти лица, смотрящие на него, как на бога. Эти руки, желающие то ли перенять часть удачи, то ли получить благословение... Так стоило ли ставить себе какие-то иные цели, надеясь, что однажды удастся еще что-то открыть, изобрести и спасти энное количество людей? Возможно, он уже сделал то, что должен. Вирус уничтожил более трех тысяч людей, семьдесят восемь магов, четырнадцать вампиров. А ведь число пострадавших могло быть больше. Так почему бы на этом не поставить точку? Неплохой финал, надо сказать.

Бен с глупой улыбкой скрылся за дверью своего номера, бросил сумку в угол и прошел в комнату.

– Так когда у нас там конференция? – спросил вампир. На душе было спокойно, словно он окунулся в умиротворяющие воды лечебного водоема. Он спас людей, получил в очередной раз признание, и если ему предстоит закончить на этом свою жизнь, то почему бы и нет? Смерть на пике славы – это, наверное, хорошая смерть.

– Через три часа, – Карен стояла у зеркала и поправляла макияж. Манто прикрывало плечи, а бахрома от него ложилась на ее аппетитную попку. Карен была из тех, кто старался от жизни получить максимум, поэтому она предпочла подкорректировать свою внешность и фигуру. Вполне возможно, что многие вампирессы сделали бы тоже самое, если бы не их регенерация, которая сводила к нулю все старания пластических хирургов.

– Три часа? – Бен подошел к даме сзади, обнял ее и притянул к себе. – Так может проведем их с пользой?

Зеленые глаза хищницы блеснули, алые губы разошлись, приоткрывая белоснежные зубки.

– Прощальный секс? – игриво спросила она.

– Ты буквально читаешь мои мысли.

И пока охранник отеля выпроваживал из учреждения почитателей доктора Лоуренса, тот нежился в объятиях пышногрудой красавицы.

22 сентября 2016 года

Провинция Аэролина, Бердикт

– Эй! Есть тут кто-нибудь?

Дверь дрожала, не в силах выдержать натиска кулака рыжеволосого мужчины. Возмущенно звенели стекла в окнах первого этажа, испуганно шипела кошка, спрятавшаяся под крыльцом. Подозрительные соседи выглядывали во двор и снова скрывались за стенами своих благородных домов. А странный гость все стучал и стучал. Его лоб пересекала морщина, прямоугольный подбородок подрагивал, словно мужчина с трудом сдерживал проклятия, готовые сорваться с губ. Рыжеватые брови сошлись у переносицы.

Причина его агрессии была понятна: несколько минут он теребил звонок, который трелями разносился по дому. Вот только толку не было никакого: дверь не открывали. Мужчина уже прикидывал, а не проникнуть ли внутрь через окно, но отмел эту идею: порча чужого имущества вряд ли понравится господину. Да и не хотелось, проникнув таким способом в дом, тем же способом из него вылететь.

– Эрна!

«Что б тебя, старая ведьма.»

– Я знаю, что вы здесь. Я все равно не уйду, пока мы не поговорим.

Все-таки зря он так культурно начал – ведь сразу было ясно, что крепость придется брать штурмом. Кристиан даже пожалел о том, что не взял с собой пару шашек динамита. Иногда один их вид способен творить чудеса.

– Я разнесу этот чертов дом на кусочки, если вы не выйдете.

Кулак опять обрушился на ни в чем не повинную дверь. Но после четвертого удара рука провалилась в пустоту.

Пожилый швейцар открыл дверь, с легким поклоном пропуская гостя.

– Господин Беландже. Госпожа де Конинг ждет вас.

– Оно и видно, старик.

Мужчина прошел в холл. По широкой лестнице навстречу ему спускалась женщина. Брючный костюм очерчивал ее фигуру: ни множество детей, ни время не изменили эти правильные пропорции. На лице ни грамма косметики. Женщина была красива той естественной красотой, о которой поэты слагали песни: точеный подбородок, высокие скулы, огромные глаза в окружении длинных и пушистых ресниц.

– Как это твой хозяин отпустил своего пса гулять одного?

Она остановилась, оставив между собой и гостем несколько ступеней.

Ее гнев скрывался за ироничной улыбкой. Желание выгнать гостя было слишком велико, и все же она вынуждена была его принять как минимум для того, чтобы соседи успокоились и потеряли интерес к дому.

– Я пытался до вас дозвониться, Эрна, – особо теплых чувств к дочери Анисиоса этот мужчина не испытывал, и он многое бы отдал, чтобы сюда отправили не его. Но просьба господина – это приказ. За невыполнение можно было по голове получить так, что она живо скажется с плеч. Данный принцип жизни ордена «Возрождение» Крис давно усвоил.

– Наверное, телефон был отключен, – беспечно проговорила женщина, проходя мимо гостя в зал. Тому ничего не осталось, как плестись за ней. – Так что ты хотел?

– А то вы не знаете. Приближается Крона и жизнь чистокровных под угрозой. Нам нужен кристалл, чтобы предотвратить трагедии.

– Так вот, оказывается, в чем дело... – наигранно удивленно произнесла женщина, грациозно опустилась в кресло и закинула ногу на ногу. – Ничем не могу помочь.

Кристиан решил, что он ослышался или не понял Главу клана, славившегося своими учеными.

– Мы знаем, что у вас есть кристалл силы.

Кристиан не лгал. Орден не только знал, но сам приложил руку к тому, чтобы в свое время данный кристалл попал к де Конингам для изучения.

– Ни ты, ни твой клан не ошибаетесь, – издевку в голосе трудно было не заметить. – Но кристалл вы не получите.

– Вы решили нарушить договоренности?

– Пусть будет так. Но кристалл окажется там, где он есть, – сарказм исчез из голоса. Карие глаза Эрны де Конинг смотрели на Кристиана угрожающе. Был бы он мнительным, то решил, что еще немного – и у него от действий круорки закипит кровь. – Этот кристалл не создает, как

мы считали вначале, а уничтожает. Ради призрачной силы я не дам его активировать, потому что иначе его разрушительную мощь не обуздать.

– Не считайте нас слабаками!

– Вас? – Эрна смотрела на носок туфли, словно изучала в лакированной поверхности свое отражение. Склонила голову, любуясь, как то же действие повторила ее копия. – О, нет. Вы не слабаки, а сумасшедшие, – женщина отвлеклась от созерцания туфли и провела рукой по коротким светлым волосам, словно наводила порядок среди непослушных прядей, которые решили нарушить прическу. – А ваш господин – еще более безумен, чем мои сородичи.

Кристиан стиснул кулаки.

– У нас – у всех нас – есть проблема, – голос мужчины дрожал, удлиненные клыки говорили не о голоде, а о ярости, которую вампир с трудом сдерживал. – И нам для ее решения нужен кристалл. И вы его отдадите.

Он остановился рядом с креслом, нависая над женщиной – оскорбленный, рассерженный вампир, готовый убивать. Но Эрна была не из тех, кого так легко запугать рунными глазами и длинными клыками.

– Чтобы сдержать кристалл и получить его силу, нужен тот, кто способен эту силу принять. У вас никого подходящего нет. И не говори мне о господине. Безумец, одержимый властью, не знающий границ дозволенного – он уже разваливается на ходу. И если бы не магия – давно бы превратился в прах.

– Я понял, – теперь в голове у вампира все сложилось. Хватило одной фразы, чтобы осознать: старуха не желает отдавать кристалл другим кланам. Она хочет оставить его у себя, чтобы в нужный момент наделить дополнительной мощью своих детей.

Кристиан был послушником ордена «Возрождение» и членом клана Морохира. На протяжении веков орден прозябал в тени, накапливая ментальную силу. Но если ему удастся заполучить кристалл, то никто не посмеет оспорить могущество «Возрождения». И тогда начнется новый век в истории вампирских кланов.

Но де Конинги могли стать достойными соперниками. Созданные ими артефакты не шли ни в какое сравнение с теми, что орден во главе с Гедеосом фон Морохиром выискивал на территории Большой земли. Все эти найденные сокровища – всего лишь отголоски старой силы. Исключение составлял лишь требуемый Крисом кристалл, вобравший, казалось, всю мощь вселенной. Но и он оказался в руках де Конингов, так как без их помощи орден не смог разобраться в принципах обращения с магической вещью.

– У вас есть кто-то на примете и теперь вы хотите отдать силу кристалла ему? – озвучил свои мысли вампир.

– Я бы хотела, – голос женщины дрогнул. Много веков назад она действительно надеялась, что удастся создать носферату, способного выдержать любое испытание. Но увы. Время войн ушло, вампиры потеряли былую силу. Перейдя на консервированную кровь, погасив свои хищнические инстинкты, они стали слишком чувствительны, слишком человечны. Но чтобы выстоять в грядущей схватке, которую придется вести не с сородичами, а с самим богом Кхортом, нужно нечто большее, чем желание обрести мощь.

– Мой клан – не воины, а всего лишь ученые. Мы не знаем, что случится, когда Крона подойдет к Заолуну, но кристаллу лучше оставаться там, где он есть.

– Думаете, мы не найдем его? – мужчина не собирался сдаваться.

– Каким же образом? – Эрне все это показалось забавным. Мало того, что к ней на переговоры прислали какого-то сопляка, так тот еще пытается ей что – угрожать? – Ты же понимаешь: твоих силенок не хватит, чтобы выудить из меня эту информацию.

– Нам известно, что он в Крофусе, – выпалил вампир. – А узнать, где и как вам несколько веков назад удалось его активировать, не сложно. Это всего лишь детали, а наш клан как раз на таких деталях и специализируется. Мы все равно свое получим, Эр-на!

Бросив ее имя так, будто произнес оскорбление, послушник ордена «Возрождение» удалился. Но стоило ему покинуть комнаты, как из потайной двери, скрытой в нише, вышел мужчина. Он не стал нарушать раздумья матери, а застыл неподвижной тенью в углу зала. Лишь когда взгляд Эрны упал на него, он осмелился заговорить.

– Ты решила не использовать своего протеже?

На лице Главы клана де Конинг отразилась печаль. Глядя в эти темные глаза, в сжатые до образования морщин губы, можно было сказать: это не молодая девушка и даже не женщина. Это существо, которое разменяло тысячелетия.

– Это не имеет смысла, Вильгельм. Твой сын не прошел испытание: его дух слаб. Он не воин. Отдавать ему кристалл – это убийство для него и потеря всякой надежды для нас. Физическая сила и магическая мощь... – женщина улыбнулась. – Если бы этого было достаточно, чтобы бог покинуть темницу... Но этого мало. А значит, итог один: надо готовиться к тому, что Кхорт призовет нас. Энергия каждого потомка – вот его билет из каменной темницы Тресона.

– Но тогда может попробовать мне или другим хранителям?

Эрна медленно поднялась, приблизилась к своему первенцу и дотронулась ладонью до его щеки.

– Нет. Сила кристалла опасна, ее нельзя выпускать, – нежно произнесла она, глядя в глаза сына. – Мы должны помнить наш девиз: не навреди. Позволим жизни идти своим чередом. И будет на все воля Кхорта.

Она отпустила Вильгельма. Некоторое время Эрна задумчиво глядела на одну из картин, которые висели в гостиной, но вскоре на ее лице отразилась решимость.

На звонок колокольчика в комнату вошла помощница Главы клана.

– Маргарет, найди мне, пожалуйста, телефон Маркуса Досельгофа. Пора потомкам Виллема выполнить свою часть сделки.

23 сентября 2016 года

Государство Аэролин. Окраина Пензоки

Питер не любил похороны, и даже бесплатная закуска после них не могла его соблазнить, хотя парень принадлежал к числу тех, кто обожал халяву, какой бы она ни была. Поэтому он предпочел ограничиться выражением соболезнований вдове погибшего коллеги по телефону. Конечно, он предложил несчастной миссис Сандерс обращаться к нему, если возникнут какие-то проблемы, но Питер был уверен, что обратится к нему эта самая миссис, если только наступит конец света. Как-то не полюбили они друг друга с первого взгляда.

Роберт Сандерс постарался сделать все, чтобы встреча Клариссы и его коллеги прошла дружелюбно, но раздолбаю и шалопаю Питеру трудно было с консервативной и даже чопорной дамой найти общие темы для разговора. И вообще, кажется, она обвиняла Питера в том, что тот полностью завладел вниманием мужа и сподобил того на очередные авантюры. Не одобряла она любви своего благоверного к раскопкам, не понимала, как можно променять домашний уют на жизнь в полевых условиях, вдали от цивилизации, копаясь в земле, песке и прочих нечистотах ради поиска какой-то древней вещицы.

Вообще Питер тоже сначала ничего хорошего в этом не видел, пока однажды не узнал, сколько стоят эти самые вещицы. И с тех пор он буквально воспылал любовью к такой жизни.

Случай свел его с Робертом, и это решило судьбу маленького оборванца Питер Уоллеса – сына чокнутой дамочки, закончившей свои дни в психушке. Приют мальчугану не понравился, и как раз после очередного побега он повстречал Роберта. Не сказать, что Питер воспринимал его как отца – просто с ним было удобно, так что он не против был поиграть роль сына, тем

более в тот период Роберт потерял своего первенца. От своего старшего коллеги Питер узнал о мире Иных, о вампирах и магах, которые находятся у вершины власти.

Прошло почти пятнадцать лет, и вот Роберт умер – несчастный случай на раскопках. Тело было перевезено в город и вручено жене. И забыл бы Питер про все это, если бы не одна очень интересная статья некоего ученого, на которую он недавно наткнулся.

В ней говорилось о древней цивилизации, которая зародилась в первое десятилетие после Катаклизма и просуществовала до шестого века. Древние календари конитов, их заметки о движении планет были найдены уже давно и наделали немало шума в научных сообществах. В музеях выставлялись и другие образцы их работ, которые намного опережали свое время. Все это было известно Питеру. Поразило его другое. В своих работах ученый высказывал предположение, что потомки древней цивилизации не вымерли, как предполагалось ранее, а все еще живут и владеют сокровищами своего народа. Мало того, они иногда раскрывают тайники и подбрасывают археологам древние творения, будто насмехаясь над всеми. Например, во время многолетних раскопок древнего города Арк-Анус были найдены лишь руины домов. Но после того, как в 1943 году изобрели шариковую ручку, неожиданно археологи обнаружили пергамент, где описывалось подобное приспособление. Экспертиза показала, что пергамент – идеально, между прочим, сохранившийся – датируется пятым веком после Катаклизма и принадлежит именно конитам, о чем свидетельствовал особый состав чернил, использующийся только этим народом. Гибель же Арк-Ануса произошла на несколько веков ранее. До недавних пор эти территории были необитаемыми. Сложно предположить, писал ученый, какие дела могли забросить конитов в столь отдаленную часть Большой земли. К тому же состояние найденного пергамента не соответствовало тем процессам, которые происходили на протяжении последующих веков на земле Арк-Ануса.

Ученые так и не смогли объяснить подобную загадку. А ведь это не единичный случай. Вот автор статьи и сделал вывод, будто кониты позволяют человечеству увидеть, что многие блага цивилизации были придуманы намного раньше, чем о них узнал большой свет. А раз так, заключил Питер, то скорее всего имеются места, где все эти древние папирусы хранятся. И неизвестно, что там может быть еще. Вдруг среди свитков окажется описание какой-то чудомашины, еще не изобретенной людьми. Например, машины времени. А почему бы и нет?

В любом случае вопрос вызвал живой интерес археолога-самоучки, а заодно заставил вспомнить одну из вечерних посиделок с Робертом. Тот, нализавшись в кабаке, хвастался, что его родословная очень длинная, и высказал сожаление, что в их роду был один маг, который для увеличения силы и продолжительности жизни выпил кровь вампира. Но не только это вспомнил Питер. Роберт говорил о дневнике своего прадеда, который хранился в семье и передавался из поколения в поколение. В дневнике – история жизни теурга Ланса Паттерсена и его служение древнему роду де Конинг, от которого пошла ныне правящая династия южного государства. Сейчас это была закрытая территория с монархической системой правления.

Слишком много тайн окружало королевство Аланэю и его столицу Рэдланж и слишком похоже были эти слова: кониты и де Конинги.

Питер решил проверить догадку. Ведь кто знает: быть может те де Конинги и есть потомки представителей древней цивилизации.

Дело осталось за малым – навеститься к жене Роберта.

– Миссис Сандерс. Я – Питер Уоллес. Мы созванивались с вами.

Это было вступление, которое, по замыслу парня, должно было раскрыть перед ним двери и впустить в дом.

Вдова была во всем черном. Давящая тишина в коридоре заставила Питера вздрогнуть: не любил он такие места. Но деваться было некуда: он чувствовал большие деньги и планировал проверить свою теорию.

– Еще раз прошу прощения, что не смог приехать на похороны, но Роберт стал мне отцом и я считал нужным поддержать вас в эту сложную минуту.

– Благодарю вас, мистер Уоллес...

Питер внутренне напрягся – не доверял он такому тону, подкрепленному еще подобным обращением.

– Потеря мужа – это удар для нашей семьи, но Роберт не баловал нас своим присутствием, так что мы вполне справимся без него. Но спасибо, что заехали.

Итак, его не пригласили в гостиную, не предложили чашечки чая со сладким печеньем, которое так любил Роберт. А теперь еще его просят покинуть дом. Ненавязчиво так, но настойчиво.

– Миссис Сандерс. Понимаю, что вам тяжело, но может я смогу чем-то помочь. Деньгами? Я слышал, что у вас какие-то проблемы с сыном.

– Мы справимся, – в этой женщине, которая была на голову ниже Питера, чувствовалась такая сила, что парень неосознанно сделал шаг назад.

– Миссис Сандерс...

– Мистер Уоллес, – перебила его женщина. – Что-то мне подсказывает, что не просто радушие и добропорядочность заставили вас приехать сюда. Что вам надо?

Питеру оставалось использовать свою самую очаровательную улыбку, чтобы прикрыть раздражение.

– Миссис Сандерс, я просто хочу продолжить дело вашего мужа. Он изучал историю семейства де Конингов, считая, что до того, как основаться в Рэдланже, род проживал на востоке, во дворце, раскопками которого мы занимались, – солгал Питер. – Роберт говорил, что в доме хранится дневник человека, который служил этому семейству в пятнадцатом веке. Быть может там есть какие-то данные о побочных ветвях королевской династии – что-то, неучтенное историками?

– Уходите, мистер Уоллес и забудьте об этом. Более бредовой идеи я не слышала, и сомневаюсь, что ее мог высказать мой муж... тем более вам.

Гневная речь женщины была прервана топотом: по лестнице спускался молодой человек с цветным ирокезом, серьгой в губе и туннелем в ухе.

– Ты надолго? – женщина отвлеклась от гостя и повернулась к сошедшему.

Тот перекинул жвачку в другую сторону рта, смерил говорившую презрительным взглядом.

– Как приду – так и приду, – бросил он на ходу. Поравнявшись с гостем, парень обменялся с ним уже более заинтересованным взглядом, после чего скрылся за дверью.

– Вам тоже пора. Не вынуждайте меня вызывать полицию.

Питеру ничего не осталось, как покинуть этот недружелюбный дом.

Он спустился по ступеням. Отказываться от своей идеи Питер не хотел. Значит, надо придумать новые способы. Но какие? Пойти на ограбление дома? Слишком рискованно. Обратиться к архивам? Получение ответа на запрос о родословной семейства де Конинг займет уйму времени – и это в случае, если кое-кто не спросит: с какой стати Питера стала интересовать эта семья. Значит, это тоже не вариант.

Парень свернул за дом, когда почувствовал: кто-то идет за ним. Питер слышал это по гулкому эху шагов, тянущимся следом. Спрятавшись за деревьями, он дождался, когда шаги раздадутся совсем близко, а затем выскочил, прижимая идущего к стене.

– Эй, эй, полегче, – пацан тряхнул головой, цветные пряди ирокеза прошлись по лицу Питера. – Куртку порвешь.

– Какого черта ты здесь делаешь? – в этом наглеце Уоллес узнал приемыша Сандерсов. После смерти родного сына Роберт ушел с головой в раскопки, встретил Питера. А миссис Сандерс отводила душу, заботясь о чужом ребенке.

– Слышал, что тебе кое-что надо. Могу помочь.

– Сколько? – Питер знал такую породу людей. Чем-то молодой Сандерс напоминал ему себя в юные годы.

– Двадцать штук.

Питер рассмеялся.

– А ты наглец!

– Ага, – пацан сплюнул под ноги. – Либо плати, либо забудь. Мать не отдаст тебе дневник.

Молодой Сандерс отлепился от стены и, насвистывая какую-то мелодию, неспеша пошел в противоположную сторону

– Стой! – окрикнул его Питер. – Откуда мне знать, что ты принесешь то, что я ищу?

Пацан пожал плечами, стараясь изобразить безразличие. Питер ждал – в сделках подобного рода не стоило торопиться.

– Хочешь увидеть дневник – гони пять штук, – огромный жвачный пузырь лопнул во рту Сандерса. – Захочешь взять – заплатишь остальное.

– А если не заплачу? – Питеру было смешно смотреть, как пацан строит из себя крутого. Но он решил поддержать игру.

– Заплатишь. Иначе я вызову полицию.

Он блефовал. Питер это видел так же отчетливо, как и то, что Сандерсу нужны деньги.

Пять тысяч за kota в мешке – слишком большой риск. Но, как говорится, кто не рискует, тот не ворочает миллионами.

– Идет, – Питер достал бумажник и выложил пять банкнот по тысячи.

Сандерс пересчитал деньги, посмотрел через них на свет, проверяя подлинность, после чего убрал в карман. Пробормотав что-то нечленораздельное, он быстрым шагом стал удаляться.

Уоллес, почти настроив себя на то, что пацан смеется, побежал следом. Однако, против ожидания, молодой Сандерс не исчез: он шел впереди и вел за собой археолога.

Старые гаражи, покосившиеся дома – этот квартал не внушал доверия, как, впрочем, и любая старая промзона, заполненная предприятиями, которые давно не используются по назначению, но еще не отправлены под снос.

Они пролезли под забор, проникли через щель в бетонной стене в какое-то здание. Вот здесь пацан и оставил Питера. Тот стоял посередине помещения, из угла которого воняло старым дерьмом. Шприцы и использованные презервативы на полу, вульгарные надписи на стене – идеальное место для того, чтобы встретиться с обкуреными придурками. И когда Питер уже отчаялся что-то получить в ходе этого путешествия, к нему вышел пацан, неся в руках завернутый сверток.

Трясущимися руками, устроившись прямо на грязном полу, Питер раскрыл его.

Пожелтевшие страницы оказались испорчены. Буквы расплылись, некоторые листы были вырваны, другие – имели налет гари и копоти. Уоллес поднял взгляд на пацана.

– Это что?

Перед ним была тетрадь, которая вполне могла принадлежать кому-то, кто жил несколько столетий назад. Возможно, что здесь когда-то и были важные для археолога сведения, но все надежды их обнаружить рассыпались, как карточный домик.

– Откуда я знал, – промямлил Сандерс. – Я спрятал ее здесь. Хороший, между прочим, тайник – фиг кто найдет.

Питер завернул тетрадь в тряпку, поднялся с грязного пола, бросил тысячу и пошел к выходу. Он слышал, как сзади молодой Сандерс поднял с пола купюру. Он даже мог представить, как тот разглядывает ее и проверяет подлинность.

– А остальные?

Этого вопроса Питер ожидал.

– Ты уничтожил историю своей семьи, пацан, – на удивление голос звучал спокойно. – Считай, что я заплатил тебе лишь за сохранившуюся обложку. Но если хочешь, я могу тебе ее вернуть, а ты мне вернешь деньги.

Уоллес сам удивился тому, что произносил его рот, потому что хоть дневник и был испорчен, он все же надеялся извлечь из него информацию.

– Да ладно, – отмахнулся пацан, решивший, видимо, что шесть тысяч – тоже неплохая сумма. – Забирай себе.

Питер вылез из этих трущоб. События последнего часа камнем легли на душу. Но по мере того, как старые дома оставались позади, положительный настрой возвращался. Еще ничего не потеряно, ему просто надо набраться терпения и восстановить то, что еще можно восстановить.

Глава 2. В дебрях информации

25 сентября 2016 года

Государство Аэролин. Пензоки

Заголовки газет соревновались друг с другом в количестве восклицательных знаков над материалами, посвященными приезду в город в середине сентября Гедеоса фон Морохира. Некоторое время черные лимузины под бдительной охраной полицейских служб колесили по городу. Фотографы снимали его на улице, в ресторанах, любители острых снимков даже пытались проникнуть в особняк, который долгое время стоял пустым, но теперь вновь оживал.

За короткое время гость Пензоки успел побывать у многих общественных лиц города. Его везде принимали, всегда ему были рады.

Говорили, что он чуть ли не самый богатый человек в мире. К сожалению, это было истинно лишь наполовину, потому что герр Морохир не был человеком.

В вампирских кругах найдутся еще носферату, которые вспомнят историю клана, уходящего корнями в далекое прошлое и основанного потомками и последователями сангуиса Никоса. Во время войны 1514 года род древнего разделился на тех, кто взял оружие, и тех, кто предпочел укрыться на горных южных островах. Первых война разнесла по Зауолуну, где они и сгинули, а вторые пошли иным путем. Отсидевшись в изоляции в течение нескольких веков, вампиры вылезли на поверхность и прошлись по городам Большой земли, как саранча, сжигая молодые ростки, уводя крепких людей в горы острова Гиббетер. На крови и магии ткали они плотно своей силы.

Гедеос фон Морохир был мужчиной средних лет, с орлиным носом, с маленькими глазами, выглядывающими из-под нависающих бровей. И все же нельзя было назвать его неприятным. Все, начиная от дорогого костюма, элегантно уложенной прически из волос, достающих до плеч, заканчивая его изящными манерами и располагающей улыбкой, привлекало к себе внимание.

Постепенно ажиотаж вокруг его личности угас. Однако как только ночь покрывала город темной вуалью, открывались двери ожившего особняка, а по этажам летела трель телефонного звонка.

Этот дом, освещенный сотней ламп, словно магнит притягивал к себе живых существ. Это был спрут, поглощающий вошедших. И хотя они покидали здание в целостности и сохранности, кое-что они здесь оставляли. Гедеос – Глава клана, сын сангуиса Никоса – питался информацией. Он слишком много времени провел в изоляции и отчаянно нуждался в новостях. Пензоки, столица одного из крупнейших государств планеты Заолун, позволяла воочию познакомиться с информаторами. Многие из них давно состояли в основанном Гедеосом Ордена «Возрождение» и только ждали возможности сообщить свои сведения лично Главе. Но были здесь и те, кто просто хотел заработать.

Иногда информация повторялась, но многое было противоречивым. И именно эти противоречия позволяли сенсуситу Морохиру наметить новые линии для проработки. То, что Эрна отказалась сотрудничать, не стало сюрпризом – нечто подобное клан предвидел, поэтому и начал поиск артефакта задолго до встречи с Главой рода де Конинг.

Аналитики клана в один голос твердили, что кристалл – в Крофусе. Но это государство изобиловало зонами с паранормальными магическими излучениями, происхождение которых до сих пор ученым неизвестно. Артефакт мог быть в любом из этих мест, и чтобы найти его вслепую, потребуется ни один век. К сожалению, время было ограничено, а с тех пор, как вампир приехал в Пензоки, дело не сдвинулось.

Гедеос стоял перед стеной, увешанной стикерами. Часть из них он сорвал, смял и выбросил в корзину – новая зацепка, на которую он возлагал столько надежд, ни к чему не привела.

Мужчина был увлечен своими мыслями и не заметил, как в комнату вошла его помощница, неся на подносе бокал с водой. Длинные рыжие волосы девушки вплетались в толстую косу, переброшенную через плечо, широкая лента на лбу не давала падать на веснушчатое лицо мелким прядям, выпадающим из прически. След старого шрама белой изогнутой полосой тянулся от уха до ключицы.

Глядя на это хрупкое создание, облаченное скорее в мешок, чем в одежду, сложно предположить, что это один из опасных членов ордена. Хотя вампиресса была сравнительно молода, она доказала преданность клану. Жестока, бескомпромиссна, бесстрашна – не было еще ни одного задания, которое она не выполнила.

– Спасибо, Лаура!

Длинные пальцы, унизанные перстнями, сомкнулись на холодной поверхности бокала, но не успел мужчина сделать глоток, как раздался предупреждающий стук в дверь. Вошедший вампир остановился в центре комнаты и преклонил колени.

– Слушаю тебя, Кристиан, – голос Гедеоса звучал ровно, будто он передавал собеседнику спокойствие, помогал справиться с возбуждением и очистить разум. Здесь не нужны были никакие вступления – все члены ордена работали ради одного дела, и Гедеос ждал любую информацию от Кристиана Беланже – послушника второго круга. Еще небольшое усилие, и этот вампир перейдет на новый уровень, а там уже и до члена Конвента Шести и руководителя ордена недалеко. Если, конечно, у Беланже хватит сил бросить вызов другим носферату.

Но пока Кристиану предстояло справиться с эмоциями: неудачу с Эрной он воспринял как личную трагедию. И все же это был не повод отрешиться от дела. Наоборот, нужно было приложить все усилия, чтобы довести его до конца.

– В октябре 1451 года, как раз в день солнечного затмения, в роду де Конинг случилась трагедия. В документах, которые мне удалось найти, обозначены имена нескольких вампиров, но по иным данным можно заключить, что число погибших больше, – сделал небольшое отступление Кристиан. – Но я, если позволите, мой господин, буду отталкиваться от проверенных данных.

Вампир поклонился и, увидев разрешающий жест, продолжил:

– Итак, трое носферату клана погибли. И не только вампиры, но и члены их свиты. Случилось это в королевстве Прея, земли которого теперь входят в состав государства Крофус. У де Конингов не было там резиденции, но, если верить старым записям, где-то в тех краях и произошло зарождение нашей расы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.